

Пролог

Комната была небольшой и больше всего напоминала жилище безумного книжника.

Бумаги, бумаги, бумаги...

Свитки, книги, отдельные листы, карты... Они валились с полок, сползали ленивыми змеями со стола, раскатывались по полу, они занимали чуть ли не каждый квадратный сантиметр поверхности.

Исключением оставалось кресло, в котором сидел высокий мужчина.

Сидел, перелистывал книгу, лениво попирал ногой какой-то свиток.

А в книге...

В книге был рисунок, в котором каждый здравомыслящий человек преотлично узнал бы Леверранское чудовище.

— Сколько усилий!

Рисунок молчал. Чудовище тоже не торопилось отвечать, ибо уже было чучелом и стояло в покоях его королевского величества. В комнате с охотничьими трофеями.

А что?

Он король?

Значит, все, что наохотили в королевстве, — его трофей. На его же земле!

Впрочем, Делука не возражали. Его величество был щедр, а чучело... а зачем им? В родовом замке поставить, пыль собирать?

Или по городам возить, за деньги показывать?

Хоть так, хоть этак — неинтересно. Пусть вот его величество гордится.

— И все впустую. Управлять тобой нельзя, приказывать не получается, сожрать норовишь все, до чего доберешься. Но раньше-то справлялись... только как? Знать бы, что такое «измененная кровь» и как вам ее давать.

А так...

Бессмысленные хлопоты.

Да и пес с ним!

Сбежал — и ладно! Убили — и не жалко.

Новых он будет создавать не раньше, чем разберется со старыми записями. Если поймет, что такое измененная кровь, куда она тут применима...

Сложно!

Даже если у тебя под рукой есть своя, личная ведьма, даже если она тебе полностью подчиняется... все равно — не то!

У этой ведьмы и силенок с гулькин нос, и азарта нет... То ли дело у ее подруги!

Но та испугалась и сбежала... Старуха говорит — померла, но веры ей особо нет.

Ладно!

Будет день — придет и дело. Разберемся и что, и как... и создавать кого-то еще, или так обойдется? Может и обойтись...

Мужчина небрежно перевернул страничку в книге.

Ритуалы на крови.

Красивое заглавие. И ритуалы интересные... позволяют даже поменять пол ребенка во чреве матери. Правда, мать погибнет тогда при родах, но все равно... это много где применимо. Если мужчина очень хочет наследника и не хочет навязанную жену...

Надо почитать.

На пальце мужчины кровавой каплей сверкнул темный рубин.

Глава 1

В СТОЛИЦЕ

— **В**ы это серьезно?!

Его величество Филиппо Третьего чуть кондрашка прежде времени нехватила. А кто бы на его месте удержался? Это ж...

Да слов таких нет!

Разве что самые черные и матерные!

Как оказалось, вчера вечером в столице умерли два дана.

Ладно еще какой-то Джакомо Феретти... Его величество и знать не знал, что это за Феретти такие и где они водятся.

А дан Густаво Бьяджи? Рубиновый король?

И ладно бы он по уважительной причине умер! Но такое ни в одной пьесе не пропишут, потому как зрители гнилой селедкой закидают.

Дан Бьяджи посватался к племяннице этого самого дана Феретти. Средней. Старшая взревновала — и отравила и жениха, и дядюшку.

Оставила письмо, написала, что после двух грехов третий уже и не страшный, и утопилась. Одежду нашли на берегу моря. Есть там такое место, с водоворотами... самоубийцы обожают с той скалы кидаться. Не выплывешь, даже если передумаешь!

Ньор Лаццо (ладно, эти — купцы, вполне солидные и достойные) уже мается в приемной со своим прошением

об опеке над несчастными девочками. М-да... не повезло этим Феретти.

Сначала отец, потом мать, потом брат, а теперь вот дядя и старшая сестра. И остаются две малышки... Но чтобы ньюр — и опека над даной?

Так не делают. Но выслушать его всегда можно. Филиппо Третий хоть и был законченной сволочью, но не дураком же! Допустим, он сейчас не выслушает Лаццо и решит все своей волей. И зачем при дворе еще две нищие бесприданницы? Судя по справке казначейства, по перечисленным налогам, Феретти — то еще захоlustье! Вешать очередной камень себе на шею?

— Может, он и невелик, но — зачем?!

— Просто — зачем?!

Особенно если найдется кто-то другой, желающий принять на себя эту обузу?

С этими мыслями его величество и приказал позвать ньюра Лаццо. Но, как оказалось, тот пришел не один.

— Дан Эмилио Делука. Ньюр Фредо Лаццо.

Его величество милостиво кивнул, разглядывая пришедших... минуту?

— Делука? Тот самый...

— Ваше величество, дан Энрико — мой отец. И эти шрамы — от Леверранского чудовища, — поклонился молодой человек. — Меня вывели в замке Сиблевран, но...

Жест был достаточно красноречивым. Впрочем, лицо молодого человека — тоже.

Жутковатая маска со шрамами.

— Я вас слушаю, — милостиво разрешил его величество. И уже через пять минут был доволен и счастлив.

Как оказалось, дан Делука предлагал замечательный выход из ситуации. Он женится на Серене Феретти. Да, той самой... нет, она не такая красавица. Но приданое ей Лаццо дадут, вот ньюр Лаццо подтвердит...

Ньюр подтвердил. И даже миниатюру с портретом Серены показал. Девушку они с собой взять не решились: у

нее истерика, к ней лекаря вызвали, опасаются мозговой горячки...

Его величество посмотрел на достаточно невзрачную девицу, пожал плечами... ну, мало ли что там дана Бьяджи разобрало?

Его величество тоже не слопал бы столько возбуждающего, чтобы на эданну Ческу влезть, а сыну вот нравится.

Так вот. Дан Делука женится на дане Феретти. Но, поскольку дана еще мала, он пока заключает с ней помолвку. И официально становится ее опекуном... помолвка — это же практически брак! А жить она будет у Лаццо, вместе с сестрой. И тут тоже никто не возразит — родня.

Все приличия соблюдены, все отлично.

Его величество довольно улыбнулся.

Вот, это хорошо, это правильно. И ему делать ничего не пришлось, и все преотлично устроилось... что еще надо?

От этих — ничего. Филиппо дал свое согласие и приказал секретарю отдать указания в канцелярию. Пусть оформляют документы...

Да, по Феретти...

Если в течение трех лет дан Феретти не вернется, то будет признан мертвым. И поместье перейдет в приданое старшей сестре.

Подданные поклонились, в восторге от королевской мудрости.

Его величество милостиво отпустил их и вызвал казначея и канцлера.

Дан Бьяджи умер?

Вот... надо перехватить часть его дела. Понизить их с рубиновых королей до рубиновых ньоров, а то еще зазнаются... дан Бьяджи был хищником, другого такого в его семье нет.

Пожалуй, будь эта самая дана Мия жива, его величество даже сильно гневаться бы на нее не стал. Как-никак,

девушка оказала услугу короне. За это ее можно и поощрить было... к примеру — казнить безболезненно.

А что еще можно за ТАКОЕ?!

Только казнь. Но если убийца сама свою душу погубила... да и пес с ней! Не до того!

С этой стороны Мия все рассчитала верно.

* * *

Тем же вечером Серена и Эмилио заключили официальную помолвку, и девочки переехали в дом Лаццо, под крылышко Марии, к малышке Кати...

Барбару не уволили. А вот дану Оливию из дома выставили в тот же день. Не надо им такое добро... пусть идет, куда захочет. Денег дадим, и достаточно с нее.

Комар, по здравому размышлению, решил даже в гости не являться. А зачем?

Все ясно. Все понятно. А больше...

Больше ему ничего и не надо. На похороны к Джакомо он придет, и достаточно будет.

Эх, друг мой Удав...

В храме падре Ваккаро молился за душу даны Феретти.

В ее смерть он не верил. Ни разу. Ни рядом, ни близко, ни далеко, ни низко... никак! Самоубийство? Это не про нее сказано!

И... хоть это и нехорошо, но, ей-ей, за дана Бьяджи он молиться не станет. Знал он, чем развлекается благородный дан, а кое-кого и отпевал...

Может, это и плохо.

Но падре Ваккаро его простил, а вот молиться... нет. Для молитвы нужна искренность, которой у падре и в помине не будет. Лучше он помолится за дану Феретти... ему кажется, они еще встретятся. И это — замечательно.

Столица шумела и гудела. Столица болтала и сплетничала.

Столица пребывала в шоке.

Какие там королевские невесты? До невесты еще дожить надо! А тут — ТАКОЕ! С ума сойти можно — какое...

Ей-ей, гнездо шершней, по которому с размаху палкой треснули, и то гудело бы тише. Такие новости... невероятно!

Мия могла быть довольна. Феретти прославились, если и не на века, то надолго.

АДРИЕННА

— Нет.

— Как так — нет?! — Розалия аж задохнулась от возмущения. — Детка, да почему ж нет-то?!

— Потому что я вас всех люблю. И не хочу, чтобы вам причинили вред. Отца я уже потеряла, я не хочу потерять и вас, — резко ответила Адриенна.

Спор проходил в главном зале Сиблеврана, в присутствии всех заинтересованных лиц. И можно даже сказать, всех — на одного.

На одну Адриенну.

Впрочем, отбивалась дана Сиблевран вполне успешно.

Нет, она никого не возьмет с собой.

Ни служанок, ни Марко... особенно Марко!

Отец?

Дан Марк может ехать с ней, может не ехать... Не едет? Вот и отлично. Дан Рокко вообще обязательно остается в Сиблевране. До нового хозяина или хозяйки, которым он весьма и весьма поможет.

Адриенна отлично понимала, что взять его в столицу — это подписать смертный приговор. Тут он хоть как-то ожил, и есть шансы еще пару лет протянуть. Вон какой довольный, по весне к дочери съездил, на внука полюбовался... аж светится!

И его опять туда? В этот гадюшник?

Нет, не надо...

— Никого ты не потеряешь, — уперла руки в бока Розалия. — Что там — травить кого будут?

— Может, и травить, — меланхолично заметил дан Рокко.

— А?!

— А вот так. В чем-то дана Риен права, — вздохнул управляющий. — Любой человек, любое существо, к которому она проявит привязанность, будет уничтожено. Я не сомневаюсь в эданне Вилецци.

— Да как же так можно?! — аж задохнулась Роза.

— Можно. — Дан Рокко смотрел как-то так, что все понимали: не шутит. — Я жил при дворе, я могу сказать, что дана Адриенна... Дана, вам тяжело, но это, пожалуй, самый лучший выбор из всех возможных. Вы никого с собой не берете, вы ни от кого не зависите, вас ничем нельзя уязвить. Кроме самого СибЛеврана.

— Я уже знаю, кому я его отдам. Поверьте, ничего не изменится, и мне вернут его в любой момент, — отмахнулась Адриенна.

— Вообще отлично.

— На всякий случай — вот мои распоряжения. Дан Рокко, ознакомьте с ними всех присутствующих... потом, когда я уйду.

— Хорошо.

Дан Рокко и так мог бы ознакомить. Все он отлично знал, потому что именно с ним Адриенна советовалась.

По каждому из домочадцев.

Кому-то доставались деньги, кому-то земля, дом... понятно, что никто не обязан уходить из замка.

Но если случится нечто непредвиденное, никто не останется на улице. Они предусмотрели этот вариант.

Разве что дан Марк... но с ним еще придется поговорить. Сейчас. Самой Адриенне.

Дана встала.

— Я еду не выходить замуж. Поверьте, это хуже всякой войны. Считайте, что я буду находиться в тылу врага.

Жестокого, безжалостного и изобретательного. А потому... не обижайтесь на мои распоряжения. Я действительно пыталась сделать так, как будет безопаснее для вас всех. Я вас очень люблю. — И пресекла ответные заверения одним легким жестом. — Дан Рокко, огласите. Отец, я хочу поговорить с вами...

Дан Марк поморщился, но последовал за дочерью.

В кабинете Адриенна уселась в кресло, в которое столько раз усаживался он, и посмотрела на отца.

И на миг...

То ли время поплыло, то ли пространство...

Рианна такой никогда не была. Не была и Адриенна. А вот Моргана... На долю секунды дан Марк увидел перед собой именно ее. Моргану Чернокрылую, прародительницу целой династии, женщину, которую действительно боялись на полях сражений...

Страшную?

Нет, внешне она не была страшной. А вот внутренне... это как сидит перед тобой весьма голодная черная пантера и милейшим образом облизывается на твои печенки-селезенки. Еще и примеряется, куда это тебя укусить, чтобы ей повкуснее было, а тебе побольнее.

И так это дану живо представилось...

Он даже руками непроизвольно прикрылся. В стратегически важном месте.

— Я уезжаю, — просто сказала Адриенна. — Мне жаль, что так получилось... отец.

— Я желаю тебе счастья. — Дан Марк кое-как взял себя в руки. Это же его дочь? Ну да... странно как-то ее бояться... даже неправильно.

— Ты действительно не хочешь поехать ко двору?

— Нет. Не хочу. Ты дала позволение Энрико, нам вполне неплохо здесь. Охота, леса, поля...

Адриенна кивнула.

Дала.

Энрико Делука получил разрешение, а поскольку охотником он был хорошим, то никогда не забывал о брачных сезонах и прочем...

Убийство ради убийства?

Нет, это не для него. Но вот уменьшить численность тех же волков, завалить медведя-шатуна, проредить обнаглевших зайцев или уничтожить бешеную собаку...

У охотников тоже много дел. И дан Марк нашел себе хорошее занятие. Все лучше, чем по продажной девке страдать.

Кстати — тело так и не нашли, к большой радости Адриенны. Хорошее она болото подобрала, глубокое...

— Я не оставлю Сиблевран вам, отец. Но жить вы здесь сможете, сколько вам будет угодно.

— Сколько будет угодно новой хозяйке.

— Она моя подруга. И все поймет правильно.

— Надеюсь. Я могу идти?

— Да, — Адриенна горестно смотрела вслед отцу.

Вот так... своего эданна Сусанна добилась. Или эданна Франческа?

Они были семьей, а теперь ИХ уже нет. Когда они прошлый раз ехали в столицу, отец любил Адриенну и готов был жизнь положить за нее. А она — за него.

А сейчас...

Сейчас темнота. И пустота.

Это не смерть. Но ведь и близкого человека Адриенна лишилась. Может ли она подвергать остальных такой же опасности?

Ответ один.

Нет. Конечно же — нет!

Она поедет одна, в сопровождении только гвардейцев. И никого с собой не возьмет. И будет строить свою жизнь с нуля.

Прабабка в столице, она подскажет и поможет... хотя бы советом. Чутье тоже от Адриенны никуда не денется. Так что еще надо?

Немножко везения.

Или очень, очень много везения... Адриенна и сама не понимала, что плачет.

Даже если она сюда вернется, это будет уже другая Адриенна. Совсем другая.

Прощай, Сиблевран.

Прощай, мое детство...

В СТОЛИЦЕ

— Милый, я ТАК тебе сочувствую!

В проникновенных интонациях эданна Франческа поднаторела за последние десять лет, могла бы и кого другого поучить. Его высочество растекся киселем.

А что?

Он не достоин сочувствия?

Он-то его и достоин!

Сначала... это... проклятие, потом любовница умирает во время родов... и ладно бы — одна! Так ведь с ребенком! С его, доношенным, только родить осталось — так и с этим справиться не смогла, дура!

Ладно.

Сходил он посмотреть, чего там доносили и не родили. Вышел, протошнился в уголочке и понял, что да. Проклятие — оно работает.

Теперь отец умирает. Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Это — не повод для трагедии?

Напомнить потенциальному Филиппо Четвертому о том, что, на минуточку, он — принц, не голодает, не мечется в поисках пропитания, не... не... не...

Да много чего — не. Любой крестьянин бы ему не посочувствовал, а у виска покрутил. Ты чего — рехнулся, дан? У тебя столько всего есть, а ты еще и плачешься? Тьфу, дурак.

И, если честно, эданна Франческа недалеко от того крестьянина ушла. Потому что примерно так и думала. Чего б не радоваться жизни? Вот дурак-то!

У тебя же самое главное есть!

Власть!!!

А ты?

А, что тут объяснять, все равно не поймет ничего, еще и страдать будет, и обидится. А потому... эданна Ческа нацепила на лицо самую-самую сочувственную улыбочку и принялась убеждать его высочество, что все образуется.

Надо только молиться, и Господь милостив...

Поэтому следующая фраза любовника на нее упала как топор палача.

— Ческа, тебе придется хотя бы на несколько месяцев уехать из столицы. Отец настаивает...

— ЧТО!? — возопила эданна. Куда и сочувствие делось?

Принц потупился, хотя вины он за собой не ощущал. А что? Он принц, скоро вообще королем будет, его подданные — его воля. Что прикажет, то и будет! А он может и приказать... вообще! Ладно, он еще чуточку потерпит, все же это его любимая женщина. Но слушаться она его обязана! А как иначе, если он ее любит?

— Я женюсь.

— Ч-Т-О!?

Эданна Ческа ощутила, что воздух закончился. Вот был — и закончился. А вместо него по горлу расползлись гадкие и колючие ежи... и затеяли там потасовку. А иначе почему она ни вдохнуть не может, ни выдохнуть...

УТЬ!

Его высочество, который заметил, что любовница как-то подозрительно синееет и вообще — не дышит, со всей силы треснул ее по спине. Силы там хватало, потому что ежики вылетели и куда-то делись. А Филиппо разъяснил свою позицию:

— Отец желает, чтобы я женился до его смерти. И консумировал брак — тоже. Поэтому тебе придется пока немножко удалиться от двора. Не слишком далеко, нет. Чтобы я мог регулярно приезжать. Ты понимаешь, дорогая, интересы династии требуют...

Эданна этого понимать решительно не желала. Она уже все преотлично распланировала.

Филиппо Третий умирает.

Филиппо Четвертый пока свободен! До семнадцати лет этой соплячки брак заключать нельзя, так прописано в договоре. А значит, что?

Правильно, Ческа уже и кандидатуру подобрала.

Дан Сильвано Тедеско.

Между прочим — милейшее существо. Так посмотреть — ну чистый ангел! Свежевымытый!

Волосы золотые, локонами по плечам; глаза голубые, огромные; телосложение то ли поэта, то ли легендарного эльфа; и такое же очаровательное лицо...

Улыбка! Манеры!

А что? Половину придворных дам пере... валял, паразит! Все спальни посетил, до каких добрался! А куда не пустили, там или возраст, или беременность, или родители такие, что дешевле не связываться. Оторвут нечто важное — и только в церковь останется. Натурщиком. Для икон.

При этом вроде и не беден, и не жаден, и не особенно глуп... просто — кобель! Кобелино!

Даной СибЛевран он занялся бы и из чистого интереса, ну и Ческа собиралась ему кое-что пообещать. Принц на свою любовницу не скупился, одаривая ее и деньгами, и землями... найдется подходящий кусочек. Дан Сильвано из младших сыновей: содержание ему выделили, а вот земли не предвидится. Так бы он самостоятельным стал, на ноги встал, мог бы и свой род основать... или вот, СибЛевран — чем не поместье? И удобно, и от столицы далеко, и передается по наследству, а уж эданна Ческа бы к нему от всей души чего прибавила...

И не надо никакой свадьбы!

Ческа и сама может замуж выйти.

А ребенок... Что — ребенок? Его и так можно... усыновить, к примеру. Или она от кого-то другого заберемене-

ет... разберется она с престолонаследием! Ей все удастся, она красивая и умная, она вообще этого достойна! Она в короне будет смотреться намного лучше, чем эта кошмарина Сиблевран!

И в золоте, и в пурпуре, и даже на троне...

Бывало же и так, что королевы странами правили?

Бывало!

И тут вдруг такой... такой эпический провал! Эданна аж зубами заскрипела, да так, что Филиппо шархнул в сторону. Мало ли, еще укусит!

Отец предупреждал — жди истерики. И истерика таки последовала.

Ческа страдала.

Ческа рыдала.

Ческа угрожала убить себя, убить его, убить разлучницу, убить всю Эврону — а что?! Чего она тут стоит, так неудобно, и совершенно чихать хотела на страдания эданны?

Истерика перешла в слезы, слезы в поцелуи, а поцелуи в нечто более приятное. Эданна пообещала любовнику, что обязательно уедет, только... чуточку попозже. Когда должна приехать дана?

В начале лета?

Отлично!

Дана в столицу, эданна из столицы. У нее тут, совсем недалеко, буквально часов шесть пути, есть отличный замок, мусичек сам же ей и дарил. Вот в нем она своего сладенького помпосика и будет ожидать.

Не есть, не спать, а только ждать, у окна сидеть, косу отращивать...

А лапсик будет приезжать, часто-часто! Правда же?

Лапсик, бусик и помпосик заверил свою лапочку, бусинку и помпошеньку, что так и будет. И с утра откланялся с громадным облегчением.

Как хорошо, когда тебя понимают! Просто — КАК ХОРОШО!!!

* * *

— Он меня отсылает!!!

— Да не реви ты. — Старая ведьма подсунула эданне носовой платок... не первой и даже не десятой степени залежалости, но эданне было наплевать.

Она рыдала.

А как же?

Кругом столько хищниц, столько стервозин, а Филипп по еще и женится, и король будет против приезда эданны в столицу, и умирает он... как же!

Такая сволочь не помрет! Он раньше на могилки всем остальным нагадит!!!

Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!!!

Ведьма кое-как успокоила эданну, напоила отваром и вежливо поинтересовалась:

— Так, может, оно и к лучшему? И мужик ребенком обзаведется, наследничком, и тебе рожать не придется? Ты ж сама о проклятии знаешь?

— Я думала... но отсылать-то меня зачем?

Ведьма хмыкнула.

Ответ был прост. Да потому, что ты, сволочь, ни сделать ребенка не дашь нормально, ни выносить, ни родить. Натура у тебя такая, гадюшечная! Ведь прекрасно все понимаешь, а сидишь тут, сопли размазываешь... тебя рядом оставь — не удержишься. Нет, не сможешь удержаться.

Характер такой.

Вот его величество и решил превентивно невестку обезопасить — скажи спасибо, голову тебе не оторвал, как той гадюке! А мог бы... добрейшей души человек, право слово!

Вот ведьма бы нипочем не удержалась, если б рядом с ее семьей такое ползало и шипело. Она ее и как клиентку-то едва переваривает! А Филиппо Третий терпит... и не давится эданна грибочками!

Истинно святой человек наш король!

Уже стяжавший мученический венец при жизни!

— Ты от меня сочувствия ждешь, эданна?
— Нет, чтоб вам! Помощи!
— Короля травить будешь?
— Нет! Мне приворотное зелье требуется! Такое, чтобы принц всегда — от любой бабы — возвращался ко мне! И только ко мне!

— Это дорого встанет, эданна.

— Знаю.

— И не только деньгами дорого будет...

Эданна Ческа опустила голову.

Да, конечно. Будут и жертвоприношения, и ей придется участвовать... и что?!

И ничего!

Плевать ей на это отребье! Плевать ей на любые жертвы! Она желает сохранить свое положение! Она этого достойна! А кто там ляжет под каблучки остроносых сафьяновых туфелек... разве это важно? Вы же не думаете о каждом камне в мостовой?

Вот и эданна не собиралась думать о всяком быдле! У них такая судьба — служить ей!

— Когда?

— Дня через четыре. Как раз подходящее время будет.

— Я приеду, — кивнула эданна. И вышла.

* * *

— Я не думал, что у короля все настолько плохо. — Жрец действительно не считал так. Но сейчас, услышав это, считай, из первых уст...

Действительно — короткая дорожка. Эданна Ческа — принц — король. И вряд ли кто-то из них допустил серьезное искажение информации.

— Значит, настолько, — безразлично откликнулась старая ведьма. — Тебе-то что с того, дан? Тебе еще и лучше...

— Я не рассчитывал, что придется начинать так быстро.

— Это я понимаю. Но обстоятельства нас не спрашивают. Надеюсь, ты у меня не будешь просить средство, чтобы устранить дану Сиблевран?

— Глупо.

— Или приворожить? — блеснули ехидными огоньками глаза ведьмы.

— Я что — дурак? Знаю я тебе цену..

Ведьма развела руками.

— Ты знаешь, дан. Илария Кавалли была лучше меня, умнее меня — и чем все закончилось?

— Тем, чем может закончиться и для тебя. А если так, стоит ли брать меньше?

— Стóбит, — решительно ответила ведьма. — Я не знаю, где сейчас Лари, но столько я платить не готова. Может, и никогда не буду.

Мужчина пожал плечами, словно бы говоря: «Твоя дурь — твоё дело».

— Решай сама. А мне нужно то, в чем ты хороша́. Не приворотные, а твои мазилки... афродизиаки. Поняла?

Ведьма кивнула.

— И поняла, и сделаю..

— Вот их изготóвь. Да побольше..

Ведьма кивнула. И не удержалась.

— Если для личного пользования, то могу ещё и зелье сделать. Чтобы! — Ведьма важно воздела указательный палец, явно намекая на нечто другое. — А если зелья для даны Сиблевран нужны, так я могу и не стараться.

— Почему?

Кажется, для жреца это оказалось сюрпризом. Ведьма только головой качнула.

— Дан... она — Высокий Род! В ней ТА кровь, понимаешь?

— Н-ну..

— Не понимаешь. Это не титул, не звание, не вывеска. Это либо есть, либо нет. Это не продашь, не купишь, не лишишься в результате переворота или болезни. Это либо есть, либо нет..

— Меньше слов!

— А если так... на нее это НЕ ПОДЕЙСТВУЕТ! Никогда! Хотя ты себя облей, хоть ее искупай — не поможет!

— Потому что в ней проснулась ТА кровь?

— Даже если не проснулась, действовать будет гораздо хуже. Словами ее можно обмануть, запутать... как с обычным человеком. А вот магия, зелья... в ее крови они просто растворятся.

— Что?

— Говорили когда-то, что кровь Высокого Рода — высшая магия.

— Эм-м...

— Не в смысле ссидить и выпить. Такое тоже было, плохо кончалось. Среди ведьм передается... Одна из ведьм решила попробовать. Мужчина Высокого Рода, ну и она... сам понимаешь. Все у них было. А потом, когда он уснул, она взяла кинжал, надрезала ему руку, ссидила крови и выпила.

— И?

— Один глоток. Больше не успела.

— Умерла?

— Говорят, рассыпалась в прах.

— Может, врут? — засомневался жрец.

— Может, и врут. Но на себе проверять не советую, — хмыкнула ведьма. — Что-то это, конечно, значит, но что? Если бы нас так не преследовали, если бы не жгли книги, не отбирали знания...

— Вы бы под себя все подмяли, до чего дотянулись! — рыкнул жрец. — Знай свое место, дрянь!

Ведьма усмехнулась.

— Я его и знаю. А ты, дан, думай о том, которое мечтаешь занять. Хорошо думай, потому что с Высоким Родом второй попытки у тебя не будет. Они не предупреждают, не угрожают, они просто живут. А те, кто желал причинить им вред, — умирают, умира-а-а-а-ают...

Голос ведьмы понизился до шепота. И мужчина не выдержал. Скрипнул зубами, выскочил вон... дверью хлопнул так, что та чуть с петель не слетела. А ведь дуб...

Ведьма откинулась на кресло, вздохнула.

— Дурак ты, дан. Ох, дурак...

Она вспоминала то давнее время, когда они с Лари были молоды. Когда мечтали о магическом даре. Когда хотели... и были готовы отдать что угодно.

И отдали...

Жертвоприношения, в которых участвует эданна Ческа, ведьма вспоминала разве что с улыбкой. Вот дурочка-то...

Козлов резать, баранов, людей...

Тьфу! Идиотка безграмотная!

Настоящей жертвой можешь быть только ты сама. Ты приносишь себя в жертву Повелителю, ты отказываешься от части себя — и пропорционально этому тебе даруется сила. Две послушницы, отданные в монастырь нелюбимой и нелюбящей родней, они быстро нашли общий язык. Обе были молоды, обе плевать хотели на всех богов мира, обе хотели силы, власти, мести...

Но именно Лари нашла в библиотеке старый ритуал.

Такая уж штука эти монастырские библиотеки. Иногда и монахи, и настоятели не знают, что в них кроется. А им — им достаточно было нескольких слов, которые кто-то нацарапал грифелем на полях старой книги.

Лари всегда была смелее.

А вот Летта... да, когда-то она была даной Дзанелла. Виолеттой Дзанелла.

Так давно, что уже ничего и не осталось. Ни от даны, ни от монастыря... а где еще им было проводить ритуал вызова? Только там. На башне. Наверху, чтобы никто не заметил.

Лари все сделала первой. И Летта с ужасом смотрела на тень, которая поднялась над подругой. На то, как Лари смело отдавала ей себя. Нет, не всю. Но...

Что можно отдать в обмен на силу? Настоящую силу.
А что есть у человека?

Что делает человека — человеком? Наверное, чувства, причем как доброта, забота, любовь, тепло, так и обратные им: ненависть, ревность, зависть... Так мало, ведь это не измеришь деньгами. И в то же время так невероятно много...

Вот это Лари и отдала. Все, до капли... Единственное, что оставило ей чудовище, — любовь к детям. Если она родит когда-нибудь... В издевку? Да кто ж знает...

Летта оказалась не столь храброй.

В круг она вошла. И слова она произнесла. Но становиться холодным чудовищем не пожелала. И отдала совсем немного. Она отдала умение ненавидеть, завидовать... она была глупа и романтична, она хотела найти любовь...

В ту ночь монастырь был разрушен.

Две послушницы оказались среди немногих уцелевших, и семьи забрали их домой, чтобы потом снова отдать в монастыри, только в другие...

Не успели.

Семья Кавалли, семья Дзанелла...

Остались только истории — и могилы. А больше никого. Два рода оборвались в тот же год. Девушки были молоды, обижены на жизнь и на свои семьи, они не стали тянуть. А потом...

Двор, блеск, балы, интриги... и семьи.

Лари вышла замуж выгодно, Летта — по любви. А результаты?

Один и тот же. Сила прорывается. Ее не удержишь внутри, даже если ее капли, вот по каплям и собирается... Илария ушла раньше. Она понимала, что если на детей падет хоть тень подозрения...

Летта — позднее. И сейчас она иногда позволяет себе такую роскошь — видеть детей, внуков... это они ее не видят. А она проезжает мимо в паланкине, она за них радуется...

О еще одной плате тень не сказала.

О боли. Неизбывной и неумолимой, которая сопровождала их с тех самых пор.

Тень промолчала.

Впрочем, так бывает всегда. Душа — это только часть оплаты. И кто за ней явится — Виолетта Дзанелла знала совершенно точно. Или...

Или — нет.

Смерть подруги она почувствовала. А еще — видела сон.

Станный. Неправильный. Но в этом сне дана Кавалли — такая, как была, молодая и отчаянная — взлетала вверх из тени. Взлетала на вороньих черных крыльях.

И провалиться старой ведьме на этом месте, если не... Сибеллины.

Моргана Чернокрылая.

Виолетта Дзанелла не знала, как такое получилось. Даже не догадывалась. Но сейчас, когда дана Сиблевран приедет в столицу...

Ей будет что предложить дане.

Если это так — ей будет чем заплатить.

МИЯ

— Парам-пам-пам-пара-па-пам...

Дана Феретти шагала по дороге. Насвистывала себе под нос, улыбалась...

Хор-рошо-о-о-о-о...

Привал, что ли, устроить?

Тоже отличная идея.

Мия направлялась в Энурию. Да, пешком. Может, потом она ослика купит, но пока спешить ей некуда. После того, что произошло буквально вчера...

Мия сама не могла себе поверить.

Но... она — свободна?!

Как ни странно это звучало, она — свободна!!!

Это было так давно, что Мия даже не помнила — она когда-то была сама собой?

Давно... еще до смерти отца. Еще до того, как ей сунули в руку ладошку Энцо и сказали: ты — старшая сестра, ты обязана.

Это было, но забылось. А сейчас Мия абсолютно спокойно шла по дороге. И не боялась ничего, и не собиралась бояться. Самый страшный зверь здесь — она. Это уж точно...

Может, и не со всеми подряд, но с бóльшим числом проблем она справится. С ее-то подготовочкой!

Дядя постарался...

Джакомо многое в нее вложил. А она чем отплатила? Убила его?

Но выбора-то не было...

Может, Мия и нашла бы потом какой-то другой выход, но тогда... Она попросту вульгарно растерялась. Или наоборот — осознала свою беспомощность?

Она — собака на сворке. У Джакомо...

Просто собака на сворке.

Он решил выдать замуж ее сестру, и она не могла ничего сделать. Сказать, что дан Бьяджи извращенец и подонок? Так Джакомо и сам это преотлично знал. Но выгода для семьи на его весах перевешивала мучения и смерть Серены.

А для Мии — сестра была дороже любых денег и связей.

Умолять не действовать так? Но Мия отлично знала Джакомо. Просто Серена оказалась бы у дана Густаво не явно, а тайно. Исчезла бы, и Джакомо клялся с честным лицом, что представления не имеет... где бы она потом искала сестру? В каком состоянии нашла?

Лоренцо?

Окажись здесь Лоренцо, он бы тоже был в опасности. Джакомо мог бы сделать с ее братом что угодно... И нигде

не сказано, что не сделал бы. Просто Энцо был удобен и не опасен. А если бы все поменялось? А?

Могло. И, кстати, дан Бьяджи как раз сработал бы спусковым крючком. Почему нет? Связи есть... признать Джакомо наследником Феретти, удачно женить, ввести ко двору... да много чего можно было придумать. Сейчас этого уже не будет.

Никогда.

И Мия испытывала от этого облегчение.

Никто из власть и деньги имущих не женится теперь на Серене Феретти — не то чтобы плохая примета, но скандал в семью? Для этого нужны очень веские причины. Например, любовь... с поместьем-то еще ничего не известно, и денег якобы у Серены нет. Приданого родители не запасли, а Лаццо... купцы — народ прижимистый, у них и своих детей-внуков хватает. При чем тут родня зятя?

Тем более мертвого.

Мия понимала, что в сложившейся ситуации это было единственным выходом, который ей оставили. Ее, как крысу, загнали в угол, и крыса кинулась. И впилась в горло. Говорят, и такое бывает. Когда змею кормят мышами... иногда мышь может загрызть змею. Вот, она та самая мышь. Только все равно тоскливо это. И почему-то ужасно несправедливо.

Правильно. Но — нечестно.

При мысли о Джакомо Мия загрустила. Как-то было... тоскливо и неправильно это. Тоска собаки по ошейнику и поводку? Да, в какой-то мере.

Раньше у нее был дом, хозяин, миска, команды, которые она выполняла. Сейчас — ничего. Пустота. Неизвестность впереди. А вот что делать со свободой?

Вот именно, что неясно.

Впрочем, Мия не собиралась унывать. Для начала ей хотелось разобраться со своей кровью и разузнать все поподробнее.

Вспоминались материнские рассказы.

— Прабабка меня не любила. И говорила, что это не по моим мозгам. — Эданна Фьора, такая невероятно красивая, прикалывает в волосы цветок. — Она говорила, что нас создавали защищать, оберегать, помогать. Именно создавали, как выводят породу бойцовских собак. Но кто? Не знаю. Потом случилось что-то неприятное, и наши предки обрели свободу. Вот и все...

— Прабабка... она служила Сибеллинам?

— Да.

Мия посчитала поколения по пальцам. Нет, не сходилось... как-то неправильно получалось. Эрвлины правят королевством сто лет — четыре поколения. То есть прабабка Мии могла служить или Эрвлинам, или... во сколько же она родила тогда бабушку?

Неизвестно.

Или... или было еще одно поколение, о котором не знает мать. Она ведь и правда не в курсе истории семьи. Кстати, а кто мешал Мие?

Ну, в какой-то степени тот же Джакомо. Давать дяде хоть какую информацию о себе и других перевертышах Мие совершенно не хотелось. И так слишком много он узнал, непозволительно много.

Правда, почему бы не отправиться именно туда и не посмотреть церковные книги?

Прабабку звали Эванджелина Бонфанти. Интересное имя, достаточно яркое. Если бы была какая-нибудь Роза Росси, к примеру, найти ее было бы сложно. А Эванджелина Бонфанти...

Тут шансы есть.

Мия сосредоточилась, вспоминая.

Да, мать тоже упоминала, кстати говоря, Энурию. Одну из самых старых провинций королевства. Провинцию, которую покорили практически сразу. Но...

Покорили?

Это как спящий тигр в клетке. Вроде бы все тихо, мирно, спокойно... ну подойди, подойди же к кисе! Она так хочет кушать!

А подойдешь — так и мявкнуть не успеешь. Только когти сверкнут.

Так что определенно — Энурия. Не просто так оттуда приехала прабабка, не просто так там жил мастер Сальвадори... что там говорил мастер Гаттини?

Мия не забывала ничего.

Ньюра Октавия Росса из южной части Энурии, конкретно — из городка Пратто. Так звали тещу мастера.

А прабабка мимоходом упоминала о городе Умбрайя. Вот, отсюда и надо танцевать. Отсюда и будем...

Примерную карту королевства Мия помнила. Если так прикинуть... Умбрайя поближе. Бонфанги жили именно там... не в самом городе, мать говорила, что вроде как рядом...

Наверное, как Адриенна Сиблевран. Она тоже живет не в Альмонте, но ведь Сиблевран рядом...

Мия зачесала кончик носа.

М-да... ей предстоят серьезные изыскания. Но, может, это и к лучшему?

Если так прикинуть... она искренне надеялась, что все участники ее истории — люди благоразумные. То есть поступают так, как лучше для них самих. Ну и немного для окружающих. Но ведь это же люди!

Разумно, если Фредо отправится к королю и возьмет на себя опеку над девочками. Это правильно и логично. Но тут ему не даст свернуть с пути Мария.

Разумно, если Эмилио сделает предложение Серене. Это тоже логично и выгодно им обоим.

На это Мия рассчитывала почти со стопроцентной вероятностью. А вот дальше начинались сплошные вопросы.

Поверят ли в ее смерть?

Лаццо не поверят, это уж точно: среди них идиотов нет. И сестры не поверят: она обещала девочкам вернуться — с такими словами не топятся.

А вот что дальше?

Скажут ли они об этом кому-то постороннему? К примеру, королю? Там и намек достаточно, чтобы Мию Ферретти начали искать. Понятно, не найдут, но могут потрепать нервы, могут отобрать дом, могут поинтересоваться, откуда деньги и чем занимался дан Джакомо...

Это невыгодно и ей, и всем остальным. Но Мия вынуждена учитывать такой фактор, как человеческая глупость.

Или... Комар.

Если честно, короля Мия боялась меньше. Машина правосудия — она такая: хоть и безжалостная, но ей можно и песочка в шестеренки сыпануть... золотого, и проскользнуть меж жерновами.

Это вполне вероятно.

А вот у преступников свои законы и свои правила. И, останься Мия в столице, Комар вынужден был бы ее убить. Кодекс такой. Удав — его друг.

Либо Мие пришлось бы откупаться: вполне вероятно — собой, ничего другого, сравнимого по ценности, у нее просто нет.

Либо... либо Комар вынужден был бы объявить на нее охоту. Выбора не осталось бы.

Джакомо не просто его подчиненный, хотя и это важно. Джакомо его близкий друг. И этого друга убивает пигалица... пусть ученица Удава, пусть сама Змейка... да, кое-какую известность в уголовном мире Мия завоевала. Но Комара заставили бы ее уничтожить.

Сейчас же...

Он разумный. Втихую Комар может и искать ее, и удавить, если найдет. Но это потом, потом... а пока он сделает вид, что Мия тоже утопилась — и забудет о ее существовании. И семье ее мстить тоже не будет.

Не за что.

Мия заметила неподалеку от дороги весьма удобный ключик и свернула туда.

Сейчас она посидит на берегу ручья, вымоет руки, покушает, потом пойдет дальше. Путешествовать хорошо, когда у тебя есть деньги, когда ты можешь за себя постоять, когда ты умеешь работать и зарабатывать... Кстати — когда тепло: тоже немаловажно.

К зиме она найдет где остановиться. А лето...

Летом она будет гулять по королевству. И это — здорово.

Кстати, и искать ее в Энурии никто не будет, и найти не сможет. Ее можно связать с Альмонте, с СибЛевраном, вот она туда и не пошла.

Адриенну втягивать в это не стоит. Письмо Мия ей отправила, но когда оно еще дойдет, то письмо? И что скажет подруга?

Хотя Мия и так подозревала, что знает. Адриенна и приняла бы ее, и прикрыла от всего мира, и помогла, и защитила...

Такая уж у них дружба. Но подставлять Адриенну? У которой и так жизнь не мед с вареньем? Нет, нельзя...

Лучше пока она будет путешествовать сама по себе. И инкогнито, как некая Леонора Белло. А через пару лет можно будет и домой вернуться.

Много воды утечет, много всего перевернется... может, и Комара прихлопнут, может, и Лоренцо вернется... вот и приедет к нему кузина.

А еще посмотрим. Кто что скажет, насколько разумные люди ее окружают — это тоже стоит знать заранее.

Ручеек, протянувшийся по небольшой ложбинке, тихо шептал ивам что-то романтическое. Рядом даже небольшая площадка была утоптана, и место для костра оставлено, и бревнышко подходящее лежит. И дрова есть — мало ли что? Потом, когда Мия будет уходить... Хотя она костер разжигать не будет — так... всухомятку перекусит.

Мия поудобнее устроилась на бревнышке, пожевала хлеба с мясом, глотнула сидра из фляжки.

Хорошо...

Достала лютию и попробовала подобрать мелодию так, чтобы она совпадала с журчанием ручья. Оттеняла его, переплеталась...

Получалось неплохо.

Как же давно она никуда не спешила.

Как же давно не была просто Мией...

И невольно... лютия была осторожно прислонена к дереву, а Мия опустила на колени. Привычные слова молитвы на ум не шли, но разве они вообще нужны? Самое-то главное Господь и так услышит!

Спасибо тебе, что ты сотворил и нас, и весь этот восхитительный мир! Спасибо за то, что я живу!

Спасибо...

Ты лучший в этом лучшем из миров... и я тебя за все благодарю...

Мия не замечала, что плачет.

А ручеек бежал, шептал, разбрасывал на листья ив веселых солнечных зайчиков, шелестел опущенными в него ветками...

Все пройдет.

И то пройдет, и это, и все остальное пройдет... ты не расстраивайся, главное ведь ты поняла! Мир прекрасен, ты живешь на этом свете, ну и что тебе еще надо? Ничего...

Главное — ты поняла. Это и есть бриллиант. А остальное — так, оправа...

* * *

— Комар! Это против нашего закона!

— Тебе ли, Гнус, говорить мне о законе?

Мужчина действительно чуточку гнусавил. После давнего перелома нос у него был постоянно заложен, но Сопливым его прозвать попросту не решились — жить хотелось. Поэтому — Гнус.

Опять же, такого гнусного характера и вообще гнусной сущности (сучности) еще поискать было... и не найти во всем Грязном Квартале. Может быть, именно поэтому он был затычкой в каждой бочке и лез куда просят и не просят.

Вот и сейчас...

— Почему бы и не мне? Закону рот не заткнешь! Удав мертв...

— И что?

— А его убийца...

— Ты, Гнус, отстал от жизни. Его убийца — мертва. На мысе Самоубийц нашли записку, Мия Феретти не пожелала жить с таким грехом на душе.

— Да соврала она небось... у нее таких грехов — что собак недорезанных...

— Молчать! — шикнул Комар, воздвигаясь со своего кресла. Вот в такие минуты можно было понять, как этот средних лет мужчина правит своей частью квартала. Вроде бы и спокойный, и мирный, но сейчас... Спорить с ним? Да тут не описать бы, как щенку!

Гнус и заткнулся. Прекрасно понял, что еще одно воззвание к Закону — и все свитки с оным заколотят ему... в лучшем случае — в горло. В худшем — сзади, но до самого горла.

— Я. Еще раз. Повторяю. Дана Мия Феретти мертва. Она прислала мне письмо, можете ознакомиться... законники, — рыкнул Комар.

Пергамент полетел на стол.

Этот вариант Мия тоже предусмотрела, и сейчас Комар испытывал почти отцовскую гордость. Да, они с Удавом вырастили чудовище!

Но какое!

Гнус послушно взял пергамент.

Ну да, то, что принесли письмо от Мии Феретти, знали многие. А вот сколько пергаментов в конверте... это уже вопрос.

«Комар!

Я знаю, что я виновата перед Богом и законом.

И знаю, что только моя смерть сможет избыть эту вину.

Сегодня я ухожу. Навсегда.

Надеюсь, что мою семью вы не тронете, они ни о чем не знают и ни к чему не причастны.

Дана Мия Феретти».

Коротко и по делу.

Гнус прочитал это, потом потер лоб.

— Так энто... она и правда, что ль, утопилась?

— Кретин, — коротко высказался Комар. — Неужели ты думаешь, я оставил бы смерть своего друга неотомщенной?

Ну... не думал. Но вдруг бы удалось подловить Комара на каком-то нарушении? Да использовать в своих интересах?

Хотелось. Не получилось. И Гнус заткнулся. Вряд ли надолго, характер такой, но... не убивать же его! Глупого врага иметь приятно! Всегда знаешь, на чем он споткнется, всегда предугадаешь его действия... прелесть! Даже убивать пока не хочется.

Комар поступил как разумный человек.

Но втихаря он, конечно, Мию поищет. И рассчитывать на пощаду ей не стоит. Удава он прощать не собирался. Даже собственноручно выращенному чудовищу.

ЛОРЕНЦО

— Люблю тебя... пожалуйста, не отталкивай... умру...

Кто бы смог после таких слов оттолкнуть девушку?

Да никто! И Лоренцо Феретти исключением не оказался! Особенно учитывая, что девушка лежит в его палатке, прижимается к нему плотно-плотно, так что между

ними и перо не просунешь, а еще она голая. Вообще. Как палец...

Тут сначала у мужчины инстинкты включаются, а уж потом мозги изволят работать.

Вот у Лоренцо Феретти так и произошло. Тем более что в темноте не видно... гхм... рожи. Другого-то слова милое личико Динч и не заслуживало.

Как есть — рыба морда.

Может, при свете дня у Энцо и духу не хватило бы на такой подвиг, а может, возраст плюс определенная смелость (на арене и львы были, и кто пострашнее) сработали бы. Но — не пришлось.

Динч все рассчитала верно.

Тем более уже две недели в пути, почти месяц без женщины...

Движение бедрами у Лоренцо получилось почти инстинктивно. А потом... потом было уже и поздно. Процесс пошел.

И неожиданно ему понравилось. Динч, кажется, тоже... она глухо стонала и крепче прижималась к парню. И так — несколько раз.

Хорошо было обоим. И ему, и ей... ушла она уже под утро.

Пора было вставать, собираться в дорогу...

У их маленького костра ждал Зеки-фрай. На костре он успел уже сварить кофе, а кашу взял из общего котла. Мальчишки носились по стоянке каравана... где-то там.

Мужчина посмотрел на Динч серьезным взглядом.

— Ты уверена?

Женщина ответила злым блеском в глазах.

— Ты собираешься мне мешать?

— Нет. Ты для него хороший вариант, — спокойно ответил Зеки-фрай. — Ты умненькая, серьезная, а что старше... и это не страшно. Перемелется со временем... да и детей ты ему родить можешь.

Динч кивнула.

— Могу.

— Только... ты знаешь, что у него есть любимая женщина? В Эрвлине?

— Знаю. Адриенна СибЛевран.

— Поэтому постарайся забеременеть сейчас. Своего ребенка он не бросит — ответственный. Да и эта девушка вряд ли такое простит.

Динч кивнула.

— Я постараюсь.

— Я мешать не буду, помогу, если нужно, — кивнул Зеки-фрай.

В бескорыстие Динч не верила никогда, а потому...

— Буду должна.

— Будешь, — согласился мужчина. — Иди ухаживай за своим будущим мужем... держи полотенце.

Динч одарила его благодарным взглядом и отправилась ухаживать. Помочь Лоренцо облиться водой из ведра, вытереть его полотенцем, лишний раз провести рукой по мышцам, которые змеями перекачиваются под тонкой атласной кожей... ох... как это она так... ногтями неосторожно!

Остричь их надо!

Совсем она руки за время пути запустила. Ну да ладно, еще займется. В дороге действительно не до того.

Лоренцо встряхивал угольно-черными волосами, рассыпая вокруг себя бриллиантовые капельки воды.

Динч помогала ему — и вспоминала.

На то, чтобы выходить гладиатора, у них ушло больше пятнадцати дней. Раны были не слишком серьезными, но и двигаться свободно Лоренцо не мог. Да и к чему спешить?

Лучше полежать, пока уедет Кемаль-бей, злой, как целое гнездо шершней.

Зеки-фрай он не нашел, гладиатор по кличке Ангел тоже как сквозь землю провалился. Поиски и допросы результатов не дали.

Позвали Ромео. Тот честь по чести отчитался. Да, дружил. Если это можно так назвать. Ланиста приказал приглядывать за Ангелом, я и старался. Чего еще-то больше?

Он тоже это понимал, поэтому особенно не откровенничал. Да и не принято такое в среде гладиаторов.

Парой синяков Ромео по результатам разговора обзавелся, но и только. Кемаль-бей дураком не был и понимал, что на месте Ангела поступил бы так же...

С остальными гладиаторами Лоренцо и того меньше общался.

Зеки-фрай?

Его искать было проще, о нем все и всё знали. Родня жены, его родня...

Только вот родня ланисты жила в другом городе. А родня его жены... вот не срослось. Бывает такое, когда теща свято уверена, что муж «ее кровиночку» со свету сжил. И не надо тут обманываться кажущейся беспомощностью арайских женщин. Это такие гадюки... даром что домашние! Кого угодно сожрут без гарнира!

Зятю приходиться в гости к родне супруги было ну очень неудобно. Там слушок, тут шепоток — и результат печален. С ним уже стараются и не связываться.

Вот и не знали кое-каких вещей. А Зеки-фрай был предусмотрителен. И молчал о многом. Знал он своего хозяина, и жить ему хотелось. Очень...

Бема-фрайя?

Про нее Кемаль-бей тоже узнал. Только вот связываться не захотел.

Женщины... они опасные и сами по себе, а уж тут... она, кстати, тоже искала Ангела. Хотя и с другой целью.

Если он свободен...

Динч была в курсе планов хозяйки. А именно — Беме не хватало в охрану... ну, читай, в постоянные любовники именно такого красавца. Но Динч это решительно не устраивало. Ищи себе кого другого, хозяйка, а этот — МОЙ!

Личный и неприкосновенный! И не отдам!

Немного люди Кемаль-бея последили за домом Бемы-фрайи, но массажистку ни они, ни их хозяин, ни сама Бема в расчет не приняли. Такой вот провал на ровном месте.

Рабыня же!

Что она может?

Чего она там хочет, кого это интересует? Да никого! Плевать на нее три раза... мнет она спины, вот и пусть мнет.

А Динч тем временем готовила побег. Пока Зеки-фрай не мог покойно перемещаться по Ваффе, она нашла и скотину, и одежду, и даже план разработала.

Лицо у нее подходящее, телосложение тоже — такое... костлявое. А вот Зеки-фрай — кругленький, невысокий... уютный такой. Поэтому...

Будет семья!

Отец с лицом потомственной рыбы, мать в чадре — и двое детей.

А вот Лоренцо придется выбираться самостоятельно. Но с этим он справится, Динч знала, где можно перелезть через стену Ваффы.

Контрабандисты этим лазом давно пользовались, стража давно закрывала на него глаза — ко всеобщему громадному удовольствию. Может, оставайся Кемаль-бей в Ваффе, стражники и подумали бы его перекрыть, но владелец арены уехал несолоно хлебавши, а люди остались. И контрабандисты, и стражники...

Так что Лоренцо ночью выскользнул из города, один, налегке, а утром на дороге его догнали попутчики.

Мигом перекинули вьюки с одной из лошадей (их так специально и крепили: вроде бы объемные, а на деле — и нет ничего), оседлали — и маленькая кавалькада из пяти человек двинулась по дороге.

Чтобы спустя три дня влиться в караван почтеннейшего Мехмед-фрая.

Стоило это достаточно дорого — серебряный в день с человека, три медяка со скота, — но все было предусмотрено.

Охрана — более чем достаточно.

Горячая пища за счет Мехмед-фрая, три раза в день. С утра, конечно, каша, хлеб, сыр — ничего сложного. В обед простой перекус — готовить-то, считай, и негде, — а вот вечером, на привале, там уж по полной. И мясо, и суп, и печево какое...

Хватало всем, кормили вкусно и обильно, хотя и достаточно дешево, скотине хватало и овса, и сена, за ней тоже был присмотр... проще уж заплатить — и двигаться вместе со всеми.

Теперь уже никто ничего не изображал.

Зеки-фрай на всякий случай отрастил бороду и избразил на лице несколько бородавок. Чтобы не приглядывались.

Так-то мы людей рассматриваем, а вот бородавка или шрам — они на себя внимание отвлекают. Их в первую очередь видят, остальное как бы проходит мимо глаз...

Мальчишек обрили налысо — оказывается, очень меняет внешний вид. Да и кто там к ним присматривается?

Динч...

Тут было проще всего. Чадра — и точка. А уж что под ней... вот не принято здесь заглядывать под чадру к женщине, за такое и убить могут. И убивают.

Будет ли Бема-фрайя искать беглянку?

Кто ж ее знает?

На всякий случай перед побегом Динч несколько дней «ревела в подушку» — табака не пожалела, чтобы глаза покраснели, а лицо опухло.

А потом оттащила на берег свою одежду, ну и предсмертную записку оставила.

Не могу жить в рабстве, лучше умереть...

Вопрос дискуссионный, но не она первая, не она последняя. Бывало и такое.

И, забегая вперед, Бема-фрайя ее не искала. Ну умерла! И что? Массажистку найти всегда можно — и такую, и лучшую. Умерла — и ладно. Вот Лоренцо...

Ах, Ангел!

Но его-то как раз Бема-фрайя найти и не сумела.

Самого Лоренцо, кстати, перекрасили в темный цвет. Взяли басму, наложили погуще... пару раз черный выходил с зеленоватым отливом, потом получили-таки каштановый.

Все тело тоже пришлось с ней вымыть. Дорога же!

Как-то интересно получится: на голове волосы темные, а там... да, именно там — светлые? Так не бывает! Ладно еще, мужчина блондин, а борода рыжая. Это видели, это случается. Но вот такие «черно-белые»? Не-ет... такого в природе точно не растет. Так что Лоренцо был вымыт с хной, потом с басмой — в результате чего приобрел своеобразный, но явно смуглый оттенок кожи и темный цвет растительности на всем теле.

Сейчас он мог спокойно мыться, справлять малую нужду — и не думать, что его разоблачат... правда, на ближайшем постоялом дворе обработку придется повторить.

Блондинов в Арайе мало. Вообще практически нет, почему-то даже если привозят наложниц-блондинок, то дети от них получают черноглазые и черноволосые, смуглые и с характерным арайским разрезом глаз. Сильная кровь — говорят местные жители.

И платят громадные деньги за рабов со светлыми волосами.

Ангела точно не пропустили бы, именно по этой примете. А сейчас...

Самый обычный мужчина: волосы темные, глаза... карие глаза как раз в Арайе встречаются. Обычно темно-карие, но и такие, как у Лоренцо, — тоже не редкость. Бывает...

Это в сочетании со светлыми волосами они эффектно смотрятся, а когда волосы темные, кожа смуглая — всем всё ясно. Ничего необыкновенного.

И вот уже вторую декаду караван двигался в сторону гор.

Осуществить свой план Динч решила только сегодня.

Сначала она расспрашивала Лоренцо о нем самом, о семье, о планах на жизнь. Услышала про Адриенну Сиб-Левран, увидела подвеску в виде ворона — ух, как же она разозлилась!

Это ЕЕ мужчина! Личный!

А тут какая-то фря титулованная... да как он смел!?

Как она смела?!

Мысль о том, что вообще-то Лоренцо и Адриенна друг друга полюбили, когда Динч и рядом не было, в голову «умной рыбке» не приходила. Она уже рассчитывала на Лоренцо, она уже включила его в свои планы. И отдавать просто так?!

Вот еще не хватало!

Пару дней она поплакала в подушку, а потом и решилась.

Если Лоренцо кого и не бросит, это мать своего ребенка. Он добрый, он ответственный, заботливый... в самом худшем случае ей снимут дом и будут навещать. Он ведь не жестокий, ее Ангел. И отобрать ребенка у матери... нет, у него просто рука не поднимется!

Динч сумеет на этом сыграть.

А может, и клин вбить между Лоренцо и его невестой... Ну что там свистушки в пятнадцать лет понимают?! У них же все на эмоциях...

Любовь — обман — предательство — ненависть, и все это в истерике, и все это навечно... а она, Динч, умная и опытная, она много чего нахваталась, пока в гареме жила, она обязана справиться. Она борется за достойную жизнь для себя и своих детей. Она же достойна!

Вопрос, почему достойна именно она, ей тоже в голову не приходил. Даже и мимо не пролетал: наверное, испугался, что скушают, как рыбка — комарика. Ам — и крыльшек не останется.

И вот сегодня...

Она решилась. И теперь робко подошла к Лоренцо, протягивая полотенце. Мужчина принял его и улыбнулся. Динч под чадрой перевела дух.

Все. Если не сердится, значит, потом и поймет, и осознает, и полюбит... и вообще!

Никуда мужчина не денется от умной женщины, если та захочет.

Что, у мужчины тоже есть ум?

А вот это не всегда доходит даже до самой умной женщины. За что она и огребает по умной-то головушке. Динч пока тоже была в неведении. А вот как оно будет дальше... кто знает?

Пока караван шел к горам.

Лоренцо понимал, что это небыстро, что дома он окажется хорошо если к осени, но хоть так! Раньше и надежды на это не было! Домой... он двигался домой.

АДРИЕННА

В этот раз дану Сиблевран столица встречала пасмурной погодой и морозящим противным дождичком. Таким унылым и жутко тоскливым.

Да-да, аккурат под стать настроению самой Адриенны.

А чему тут радоваться?

Она... у нее отнимают не то что моменты счастья — даже иллюзию свободы! И что будет теперь — бог весть.

Но столица столицей, а вот встреча была организована достаточно торжественно.

Если прошлый раз ее не встречал никто, то сейчас его величество решил отправить навстречу Адриенне кортеж во главе с кардиналом Санторо.

Адриенна смотрела на него в полном шоке.

Музыканты, придворные, всадники, которые осыпают кортеж лепестками роз, куча цветов...

И — она.

Они...

Ладно еще, их заранее предупредили, и Адриенна успела привести себя в порядок. Кое-как умылась от дорожной пыли еще на стоянке и переделалась в черное с серебром.

Нет, это не вызов.

Но... вы же хотели Сибеллина?

Вот и получите! А что пораньше? И такое бывает... это не я к вам рвалась, это вы меня вызвали.

Да и...

Погода такая... выглядеть мокрохвостой кошкой Адриенне не хотелось, а на черной ткани практически не видно пятен. И ей этот цвет к лицу, она знает.

Кардинал спешился, поклонился ей и улыбнулся.

Прошлый раз он смотрел на Адриенну, как на мышь, которая упала в кастрюлю с супом, а сейчас?

Как-то странно... может, у него зубы болят? Но спрашивать Адриенна не стала. Вежливо спешилась и поздоровалась.

Кажется, все-таки зубы. А может, и печень.

И чего он так смотрит? Точно... зубы.

* * *

Кардинал Санторо ждал чего угодно.

Он преотлично помнил дерзкую девчонку, которая смотрела невероятными синими глазищами и даже не думала его бояться. Помнил... так, смутно.

Особенно там ничего интересного и не было, кроме глаз и смелости.

Видели вы вороньего слетка?

Уже не птенец, но и не красивая мощная птица. Так... непонятное нечто. Ни на землю, ни в воздух... не разбери-поймешь... страшненькое и растрепанное.

А вот сейчас...

Как-то оно само собой так получилось.

Кортеж двигался навстречу дане Сиблевран. Холмистая местность, солнце... они как раз были у подножия холма, а Адриенна со свитой выехала на холм и принялась спускаться вниз.

Пасмурно, и серо, и хмарно, и на долю секунды кардиналу черный плащ Адриенны показался черными крыльями прабабки за ее спиной.

Моргана Чернокрылая...

И словно острым клинком рассекает непогоду.

И лицо у нее такое...

Есть песня о древних стражах, которые выезжают из холмов, объезжают края, в которых рождены, и каждое утро возвращаются обратно. Даже из могилы они берегут родную землю.

Вот на долю секунды и Адриенна показалась ему таким же стражем.

Холодное спокойное лицо.

Равнодушие ледяного клинка. А потом... хватило всего секунды.

Солнце на какую-то долю минуты прорвалось сквозь тучи, ударило ей в лицо, но девушка не зажмурилась, как ее спутники, не отвернулась... она смотрела громадными глазами вперед, прямо на огненный диск в вышине, и улыбалась.

И была такой...

Нет, это не красота. Это нечто большее... Высокий Род?

Это — Чудо!

Где можно найти такого художника, который запечатлеет это на холсте? Или хотя бы изваяет в мраморе?

Нет, нереально...

И реальна ли она сама? Или это фантом, созданный из ключев тумана и сияния солнечных лучей?

Кто бы сказал кардиналу, что он будет поэтом? Смелся бы Анджело Санторо долго и со вкусом. Но вот сейчас...

Сейчас он смотрел на девушку, которая стояла рядом с ним и была на голову ниже, и слов найти не мог. Выручила сама Адриенна. Как привыкла с падре Санто, она попросту подошла под благословение. А уж по заученному и у кардинала разум включился.

— Да благословит тебя Бог, чадо... его величество приказал встретить вас, дана СибЛевран, и доставить к нему.

— И вот это... — Адриенна не стала показывать пальцем, она же дана! Не быдло какое... ей и взгляда хватило. Более чем красноречивого.

— Дана, вы будущая королева. А я буду венчать вас и его высочество. Все естественно... давайте я помогу вам сесть в седло.

— Уместно ли это? Вы кардинал...

— Но я ведь и мужчина? — решил напомнить дан Санторо. А вдруг собеседница не заметила...

— Вам точно не будет тяжело?

Дан едва зубами не скрипнул.

Нет, ну что такое-то?! И ведь не издевается ни на минуту, она абсолютно серьезно о нем... заботится?

Пожалуй, что да!

Сначала о его статусе, теперь о возрасте... да ему всего тридцать пять! Он мужчина в самом расцвете сил и возможностей! И дети у него есть... ладно, незаконные, но признанные, и он о них заботится! А эта девчонка...

— Прошу вас, дана...

Кардинал легко посадил Адриенну в седло, взлетел на своего коня, едва коснувшись стремени, — да, вот он как может! Смотри!

Восхищайся! Что — опять мимо?

Получалось, что да. Дана СибЛевран смотрела на кардинала так... даже не на самого кардинала, а мимо него. Сквозь него. И даже улыбалась так... равнодушно. Протокольной улыбкой.

Если чего-то и не хватало, чтобы «добить» мужчину, так это было именно оно.

Даже эданна Вилецци не оставалась равнодушна к его обаянию! А тут...

Кардинал ощутил, что внутри его возникло и стихийно разрастается какое-то чувство. Причем он-то этого вовсе никак не планировал! Вот совершенно!

Но...

Восхищение красотой девушки, и ее спокойствие и равнодушие, и его желание произвести впечатление... любовь и не с таких вещей начиналась! Она вообще не спрашивает, просто приходит, располагается поудобнее и просит: «Нацедите-ка мне пару литров кровушки, а я тут пока посижу, посмотрю».

Вот и пришла... любоваться. А кардинал Санторо только и мог, что зубами заскрипеть.

А вот как тут быть?

Что тут сделаешь?

Хотя... сделать-то он как раз и мог. Очень, очень многое. И собирался... планы придется менять на ходу, но, как истинный политик и служитель матери Церкви, кардинал никогда не ограничивался одним планом. Так что...

Где там этой девочке устоять! И не такие крепости сдавались!

* * *

Адриенна ехала по столице.

Интересно, где здесь дом Лаццо?

Мия написала ей и предупредила, что вынуждена уехать. Она вернется, обязательно вернется, а пока, если Адриенна сможет, пусть проследит за ее сестрами. И Лоренцо, она верит, жив...

Обстоятельства побега Мия тоже скрывать не стала.

И Адриенна собиралась поговорить с королем.

Посмотрит, конечно, как его величество себя чувствует, как выглядит, а там...

Посмотрит, ага...

Планы — это прекрасно, но не одному ж кардиналу удивляться? И не одному кардиналу чувствовать себя идиотом...

Адриенна себя так и почувствовала, глядя на Филиппо Третьего.

Желтого, словно его под лимон покрасили, какого-то высохшего и словно осевшего вниз, одутловатого, несмотря на худобу, страшного, с запавшими глазами и щеками...

В их прошлую встречу это был вполне себе моложавый мужчина, который выглядел не хуже ее отца.

А сейчас?

Адриенна даже принюхиваться не стала. Она и так могла сказать, что королю осталось недолго.

Месяц?

Нет, пожалуй, побольше. Может, месяца три или четыре... уж точно не больше полугода.

Есть такое... Адриенна отлично видела вдаль, могла смотреть на солнце часами и не щуриться потом от зеленых кругов в глазах, а теперь еще и запахи добавились.

Как пахнет смерть?

Тленом и могильной землей. Такой очень характерный и специфический запах, который нельзя описать, можно только ощутить. Почувствовать...

И тогда его уже ничем замаскировать нельзя. Он пробьется сквозь любые благовония, сквозь любые ароматы... скрыть свое потрясение Адриенна не смогла.

Его величество улыбнулся краешками губ.

— Добро пожаловать, дана.

— Ваше величество, — поклонилась Адриенна.

Филиппо остановил ее ласковым движением руки.

— Нет-нет, дана, не надо. Мы скоро будем одной семьей... вот и мой сын, кстати говоря.

Адриенна промолчала.

Желание сына быть с ней «одной семьей» тоже сомнению не подвергалось. И пахло от него любимыми духами эданны Вилецци, та своих вкусов не поменяла. И лицо у принца было мрачное.

Но поклонился Адриенне он честь по чести. И дана ответила глубоким реверансом.

— Ваше высочество...

— Дана Сиблевран...

Его величество подхватил под руки и сына, и будущую дочь и без церемоний развернулся в сторону замка, увлекая их за собой.

Адриенна привычно нашла взглядом Воронью башню.

И улыбнулась, несмотря на то что щемило сердце.

Вороны вились над ней, как и всегда.

Кричали... они были рады ее приезду. Они — и Моргана.

Но Моргана не могла, а вот вороны приветствовали свою хозяйку.

Ты дома... ты здесь... ты вернулась.

Адриенна готова была поклясться, что они говорят именно об этом. И... будь ее воля, туда бы она сейчас и отправилась. Уселась рядом с башней, прильнула к грубым серым камням, погладила их...

Пришла к Моргане...

Все она понимала. И что прабабка втравила ее в эту историю. И что Адриенна сейчас фактически платит за чужие грехи. Но и сердиться на Моргану она не могла.

И на Филиппо Третьего — тоже...

Можно ли злиться на того, кто умирает?

Можно, конечно. Смерть ведь не делает человека из сволочи, кто мерзавцем был — таким и уберется на тот свет. Только вот именно здесь и сейчас Адриенна не могла злиться. Не получалось...

В своем кабинете Филиппо Третий привычно опустился в кресло, кивнул молодым людям — мол, садитесь.

Адриенна послушалась, Филиппо Четвертый отошел к стене и встал рядом с ней.

Не протест.

Но выражение... скорее, своей позиции. Или правильно сказать — позиции эданны Вилецци?

Филиппо Третий оценил.

— Сынок, ты не дашь мне несколько минут поговорить с невесткой? Наедине?

Его высочество скрипнул зубами — и согласился. И чего они так зубами скрипят? Может, тут двор заражен глистами? Адриенна решила на всякий случай выпить отвар... кто их знает?

Филиппо-младший вышел из кабинета в сад, а Адриенна посмотрела на короля.

— Ваше величество?

Филиппо Третий улыбнулся ей. А глаза были все такими же. Жесткими, холодными, внимательными.

— Вы и сами все поняли, Адриенна. Я умираю...

— Я вижу, ваше величество, — согласилась Риен. А чего тут удивляться?

К немалому ужасу власть имущих, иногда они осознают, что смертны. А иногда и внезапно смертны... и кишки у них такие же, и кровь идет... невероятное открытие, но факт!

— Не будете меня утешать, Риен?

— Нет, ва...

— Называйте просто Филиппо, Риен. Все же мы скоро будем одной семьей...

— Именно поэтому? — просто спросила Адриенна.

— Да. Я не знаю, как поступит мой сын после моей смерти, Риен. Может быть, он женится на вас. А может, и нет. Эданна Вилецци... да вы и сами все понимаете.

— Ваш сын ее любит.

— Он — да. А вот она... — поморщился Филиппо Третий. — Ну да ладно. Я приказал отослать ее от двора. Наведываться сын к ней все равно будет, но какое-

то время я вам дам. Вы сможете попробовать наладить отношения.

Адриенна скромно промолчала. Хотя вопрос: «Какого черта?!» у нее не то что на языке крутился, он прямо-таки дорогу себе просверливал сквозь стиснутые зубы. Ее в это втянули, и она же должна стараться?!

Да она с огромным удовольствием уберется к себе, в Сиблевран... потому как его высочество, похоже, собирается опять дуться и страдать!

Вот что за люди!?

Есть «хочу». А есть — «надо».

Они практически никогда не совпадают, так уж получается. Но люди умеют как-то примирять себя с хотелками, потому что живут в обществе.

Хочешь ты бриллианты?

Поди заработай и купи!

Хочешь отнять? Тогда прости, есть законы... их надо соблюдать, а не хотеть или еще что-то...

Это правильно и логично. Но почему никто этого не объяснил его высочеству? Просто — почему?!

Кажется, все это было так явно написано на лице у даны, что Филиппо Третий даже чуточку изумился.

— Дана, вы...

— Я сделаю то, что должна, ваше величество, — бесцветным тоном отозвалась Адриенна.

— Это выгодно и вам. Вы станете королевой...

Королевой...

Игрушкой на троне.

Куклой в жестоких руках...

Единственное, что держало Адриенну... Да в гробу она видела ту власть! А его величество явно считал, что это перевешивает все остальное! Адриенна просто не хотела обречь на муки и смерть своих собственных детей!

Она понимала, что, пока не родится потомок, который будет нести в себе кровь обоих родов, она обречена. Увы... только вот к чему об этом знать Филиппо Третьему?

Адриенна поглядела ему прямо в глаза.

Змея и птица — кто сильнее?

Есть и такие птички, которые преотлично закусят даже самой ядовитой змеей. И не поперхнутся. Но и змея змее рознь...

— Ваше величество, нам не оставили выбора. Уже давно... я выполняю свой долг. И надеюсь, его высочество тоже понимает, в чем он состоит.

А вот это уже не в бровь, а в глаз.

Понимает?

Да как бы сказать... Понимает, но не желает, не принимает, не хочет, не любит... и позволяет себе все это показывать. Хотя его величество регулярно прорабатывал отпрыска с песочком.

Видимо — не с тем. Или не так... упрямство у сына, увы, тоже фамильное. Эрвлиновское.

Филиппо Третий вздохнул, прикрыл лицо руками.

— Вы меня ненавидите, Риен?

Адриенна прислушалась к себе.

Ненависти не было. Поэтому она качнула головой.

— Нет, ваше величество. Я не могу вас ненавидеть... не знаю почему, но не могу. Хотя и стоило бы. Вы с моего рождения распланировали мою жизнь, вы все решили за меня, а я все равно не могу возненавидеть. Странно, правда?

— Нет, Риен. Когда-то колесо ненависти должно остановиться. Обязательно. Или оно раздавит даже солнце.

— Может быть, ваше величество. Может быть...

— Может, вам на роду и написано закончить эту страшную вражду, Адриенна. Столько лет, столько смертей, столько людей...

Адриенна в героини совершенно не рвалась. Только вот... выбора снова не было.

— Ваше величество, я пойду попробую поговорить с вашим сыном?

— Идите, Риен. И подумайте, что я могу подарить вам на свадьбу.

Адриенна подняла брови, и Филиппо улыбнулся.

— Я уверен, что вам не нужны бриллианты. Это слишком дешево для вас...

Девушке оставалось только вздохнуть. И неожиданно для себя...

— Ваше величество, мне жаль, что я выхожу замуж не за вас. Мы бы смогли понять друг друга.

И такой же неожиданный ответный взгляд темных глаз.

Лукавый... и искренний. На пороге смерти даже змеиные глаза иногда могут становиться человеческими.

— Вы не поверите, Адриенна, но сейчас я тоже об этом сожалею.

И девушка вышла из кабинета.

* * *

Дежавю?

Адриенна просто не знала этого слова, не то обязательно употребила бы. Кажется, это было, это уже было... И даже взгляд все тот же, раздраженный, недовольный...

— Вы уже поговорили с моим отцом, дана?

Адриенна кивнула.

— Какие у вас планы на мой счет, ваше высочество?

— Планы... разве у меня могут быть планы? Готовьтесь к свадьбе, дана, вот и все...

— А потом?

— Потом вы будете мне рожать детей. Много...

Адриенна вздохнула.

— Ваше высочество, вы забыли. Если я забеременею до семнадцати лет, я просто могу умереть.

— Забыл, — честно сознался Филиппо. — Но это уже детали. Брак мы заключим, брак мы консумируем, чтобы его никто не оспорил, а потом... потом будете жить при дворе. Повторим, когда вам исполнится семнадцать, — и так до зачатия ребенка. Потом второго и третьего.

«Прекрасные» перспективы!

Адриенна едва удержалась, чтобы не заскрипеть зубами... так, отвар можно не пить, она поняла, отчего тут все... Скрипят.

— Эданна Вилецци будет третьей в нашей постели? Или вы просто будете ее посещать?

— Полагаю, что это не ваше дело, моя дражайшая будущая супруга, — процедил его высочество. — И откуда у вас вообще такие сведения?

— От эданны Сусанны Манчини, — злорадно сказала Адриенна. — Лишившись сына, она выпивала и начинала болтать о том, что эданна Вилецци любит и мужчин, и женщин. Пару раз даже эданна Сусанна...

— Молчи!

Его высочество оказался рядом с Адриенной, схватил ее за плечи и тряхнул.

— Молчи, дрянь!

Адриенна кивнула.

— Суть наших отношений я поняла. Благодарю, ваше высочество.

— Чтоб тебя черти взяли!

Принц оттолкнул девушку подальше от себя и почти бросился из сада. Адриенна вздохнула, прошлась по дорожке, коснулась виноградного листа...

М-да. Вот и поговорили.

С другой стороны, а чего она ожидала, если сознательно провоцировала влюбленного дурачка? Говорить можно что угодно, а вот сейчас... сейчас она видела, насколько он любит эту гадину.

Любит.

До безумия.

Принц может говорить что угодно, и клясться он ей будет тоже в чем угодно. Но... до первого жеста эданны Вилецци.

Стоит королю умереть, и эта гадина приползет в столицу.

Стоит Филиппо Третьему даже просто слечь, выпустить бразды правления из своих рук... А еще принц достаточно несдержан, не умеет себя контролировать, не способен осознать свою выгоду...

Осознать-то способен. А вот сделать так, чтобы выгода не удрала с диким визгом...

Э, нет!

Это для него уже слишком сложная задача. Он уверен, что все будет его, просто потому что он — принц. Ну, король...

А вот что с этим делать самой Адриенне?

Что ждет ее в таком раскладе?

Ответ прост.

Ничего, кроме больших проблем. А вот как их нивелировать...

Адриенна покусала ноготь. На тропинку перед ней опустился крупный ворон.

— Кар-р-р-р!

— Моргана? — безошибочно угадала Адриенна.

— Кар-р-р-р!

— Она меня хочет видеть?

— Кар-р-р-р!!!

— Я тоже буду рада с ней повидаться. Этой же ночью. Я постараюсь прийти... Если не получится, то на следующую ночь.

— Кар-р-р!

И провалиться Адриенне было на этом самом месте, если ворон не сказал: «Я доложу»! До чего ж умные птицы! Невероятно умные!

Потрясающие!

Моргана...

Да, прабабушка хочет ее видеть. А ведь она... минутку... Адриенна напрягла разум, вспоминая все, что читала или слышала о Моргане. Благодаря дану Рокко она знала историю, и достаточно неплохо.

Моргана правила вместе с мужем.

Правила в его отсутствие.

Правила, когда он болел...

То есть... То есть и так тоже можно?

Адриенна решительно развернулась и направилась в кабинет. Филиппо Третий встретил ее почти укоризненным взглядом, но Адриенне было на это наплевать.

— Ваше величество. Поскольку мой муж безумно влюблен в другую женщину, никогда ее не бросит и всегда будет ей потакать... я знаю, что хочу получить свадебным подарком.

Глава 2

МИЯ

Город Умбрайя не огорчил и не порадовал. Так, видела Мия города и симпатичнее.

Тот же Альмонте, кстати. Но там проходит торговый путь, а здесь вообще захолустье — темное, нестриженое.

На главной площади лужа, в ней две хрюшки валяются, из окна мэрии выглянул какой-то чиновник и запустил в свинюх огрызком яблока. Те и не дернулись.

Судя по королевским размерам и лужи, и свинюх, для того чтобы они пошевелились, тех яблок надо бы пару ведер высыпать. Тогда — может быть.

Церковь?

Есть и она. Маленькая, обшарпанная, замызганная вся... Вот свинтусы! Это уже о местных жителях.

Мия крепко усвоила, что храм — лицо города. Есть три места, в которые надо обязательно заглянуть, чтобы определить, какая в городе власть. Первое — мэрия. Второе — церковь. Третье — рынок.

Первые два места сразу показывают, ворует местный чиновник умеренно — или вовсе уж оборзел на своем месте, сотрудничает ли он с храмом — или не особенно...

А на рынке...

О, на рынке вам столько новостей и подробностей отсыплут, только успевай поворачиваться!

Местный мэр явно воровал. Ну наглость же! Мог бы хоть площадь гравием засыпать! Ладно, мостить мостовую

и сложно, и дорого, в Энурии вообще плохо с камнем. Здесь с лесом хорошо. И почвы песчаные. Ладно-ладно, если и гравия жалко, то хоть бы на деревянные мостовые расщедрился! Здесь-то это вообще рию стоит! За десяток солиди тебе столько леса навезут — выбирать не успеешь!

Следить придется, менять регулярно...

С другой стороны, или местные жители очень тихие и ленивые, или сама местность такая... вон, помост у виллицы грязью покрыт настолько, что сразу ясно: сюда года два никто не заходил. Никого не пороли, не вешали, дерево, сразу видно, подгнившее.

Мия пожалала плечами, но в мэрию заходить ей не хотелось, да и незачем. А вот в храм...

Мия коснулась заскрипевших дверей.

М-да, первое впечатление ее не обмануло. Скамейки давно бы пора обновить, да и покрасить, иконы — хоть ты заново рисуй, такие они все закопченные... перед ними мясо жарили, что ли? С чего они так потемнели?

И полы бы отмыть. Что, у них тут вода, тряпки и ведра в дефиците?

Куда мир катится!

Вот у Джакомо был друг, так он очень и очень гордился своей набожностью! Выражалась она в том, что мужчина лично, раз в декаду, мыл полы в храме. Ручками.

И никогда не забывал рассказать об этом всем окружающим!

Мия с таким трудом язык прикусывала, кто б знал! Так и тянуло поинтересоваться на тему гордыни, и вообще... может, есть в этом что-то лицемерное?

Вчера помыл полы в храме. Сегодня изменил супруге. Два раза. Завтра разорю конкурента, пусть повесится, гад... После знакомства с падре Ваккаро Мия была уверена, что настоящие верующие ТАК не думают. Но ведь полы-то он мыл?

А тут? Ни одного лицемера на весь город?

— Что ты забыл здесь, мальчик?

На скрип двери вышел местный священник. Мия вспомнила, что она путешествует сейчас в облике менестреля, сорвала шляпу и поклонилась. Достаточно низко.

— Благословите, отче...

Священник чуть расслабился. И благословил Миою вполне искренне, и улынулся...

Мия приглядывалась к парню. Нет, не могла она его назвать пастырем... вот как хотите! Молодой, нескладный, больше всего похожий на журавленка-переростка... и волосы растрепаны, и солидности пока не наел. Правда, добрый. Это видно. И улыбается хорошо, и вообще... сволочи с котами на руках к прихожанам не выходят. А у священника на руках сидел здоровущий черно-белый кот.

Еще и мурлыкал, когда ему грудку почесывали.

Это решило дело.

Мия улыбнулась мужчине.

— Отче, позвольте на храм пожертвовать? Немного, но авось на благие дела пойдет?

— Жертвуй, чадо, — согласился священник.

— Только просьба у меня будет малая...

— Слушаю тебя, чадо?

— Я бы и сам купил ему кусненького, — Мия указала на кота, который потянулся и зевнул во всю здоровущую клыкастую пасть, — но не знал. Может, вы ему от моего имени рыбки купите?

В руки священника перешел приятно звякнувший мешочек. Мия туда уложила несколько серебряных дариев и пару десятков солиди.

Мужчина принял дар и покачал головой.

— Куплю, конечно. Но... ты ведь и сам небогат, чадо.

— Меня Мио зовут, отче.

— А меня можешь называть отец Адольфо...

— Спасибо. А почесать вашего красавца можно? Как его зовут?

— Мэр Мур. Это не мой, предыдущего священника, но отец Просперо его любил до безумия... как тут выкинуть...

— Никак, — согласилась Мия.

Кот предупреждающе прикусил ее за палец. Взгляд зеленых глаз был умным и всепонимающим.

«Ты — метаморф, — говорили кошачьи глаза. — Я это вижу, но пока не буду на тебя охотиться. Ты пришла с миром. Я потерплю, но недолго...»

Надолго Мие и не надо было.

Что-что, а разговаривать с людьми она умела. Лоренцо рядом с ней был несмышленишкой, он-то сам учился, а Мию учили. Серьезно и целенаправленно.

Ремесло убийцы такое... не соберешь информацию — не поохотишься. А чтобы собрать — умеи говорить с самыми разными людьми. Мия и разговаривала.

Через полчаса отец Адольфо Лупи сам принес ей церковные книги.

Мия уже знала о нем все, что могла и хотела. И о том, что он в городе совсем недавно, и что предыдущий священник, отец Просперо, долго болел, потом помер, вот... только кота оставил, теперь это кот отца Адольфо... дьявольское животное?

Вот еще!

Если кошка может на короля смотреть, то и на Бога — тоже! Он тварей живых создал, и кошка тоже Его творение! А кто говорит иначе — глупец! И его самого надо... того! В бочке со святой водой притопить, чтобы Дьявол из дурака вышел! Или хотя бы внутрь чуточку ума залилось, хоть через нос, хоть через уши.

Да, конечно, сложновато пока. Солидности никакой, паства не привыкла, кое-кто и хихикать прилаживается... это все преодолимо.

Мия кивала, поддакивала и потом уже, под конец, бросила пару слов, что ее предки тоже в этих краях жили. Вот, говорят, некая Эванджелина Бонфанти...

Слово за слово — и оказалась Мия с кучей книг. И ли- стала их.

Медленно, вдумчиво, благодаря про себя священни- ков с четким и разборчивым почерком.

Браки, рождения, смерти...

Ну-ка? Эванджелина Бонфанти?

Книг было много, невероятно много. Мия и не рас- считывала, что у нее что-то получится с первого раза. Дней в десять бы уложиться — уже неплохо. Мия и не рас- строилась. Не повезло с первого раза? Ну так что же... она переживет! Она просто будет искать дальше и дальше...

И в Пратто съездит, поищет, и по дороге в каждый го- род заходить будет... Здесь храм один, и книги хранятся именно в нем...

А если в мэрию наведаться? Может, там что интерес- ное попадется?

Мия подумала какое-то время, потом вышла из храма, потеряла виски...

Голова реально гудела. Церковные книги хоть и пи- шутся красивым почерком, но за столько-то времени? И чернила повыцвели, и страницы кое-где мышами по- едены... да и книги еще не все!

Когда к власти пришли Эрвлины, очень многие цер- ковные книги времен Сибеллинов были изъяты. Здорово, правда? И историю пришлось писать заново...

Правильно.

Хочешь переделать людей в свиней — начни с их па- мяти. Убей врага! И, не знающие ни корней, ни прошло- го, люди будут только радостно хрюкать на ведро помоев в кормушке. Это логично...

Год смерти?

Тоже нет. И вообще... ничего нет. Словно и не было здесь никаких Бонфанти.

— Чего ищешь-то, дочка?

Мия подняла глаза и даже недоуменно поглядела на пожилого мужчину: лет... сколько ж ему? Древность древ- ния, столько и не живут, наверное...

— Эм-м-м... ньор...

— Какой я тебе ньор! Так и зови — дедушка Марио, — отмахнулся мужчина.

— Мио, — представилась Мия.

— Ишь ты... а в мое время девушки в мужских-то штанах и не ходили... тебе так надо, что ли?

Мия кивнула.

Да, надо, важно, серьезно...

— Ну ладно. Мио — так Мио. Ищешь-то кого, а?

— Бонфанти, — созналась Мия. — Эванджелину. Не слышали?

— А то как же... слышал. А для чего ищешь?

— Попросили узнать, — отрезала Мия.

— Хм, странно, что никто тебе не рассказал. Эва — она ж в нашем городке, считай, легенда... хотя кто тут что расскажет? Падре этот молод еще, а в мэрии и дела никому нет. Тут старики нужны...

Намек был понят, в пальцах Мии блеснул серебряный дарий.

Дед Марио сгреб его, уселся поудобнее на нагретое солнышком надгробие и кивнул Мие на соседнее.

— Ты присаживайся, история будет долгая...

Мия не возражала.

Долгая? Ну... послушаем, покушаем...

* * *

Семья Бонфанти жила неподалеку от Умбраи достаточно долгое время.

Тихая и спокойная семья...

Ровно до того момента, как Лора Бонфанти выкинула с башни свою старшую дочь, схватила младенца и выпрыгнула за ней сама. В живых осталась только средняя — Эванджелина, которая где-то пряталась от матери.

Андреа Бонфанти от такой «радости» запил по-черному и в два года свел себя в могилу.

Мия подумала пару минут — и уточнила, сколько лет было старшей дочери.

Оказалось — двенадцать с хвостиком.

Что было дальше с Эванджелиной?

До двенадцати лет она жила с отцом, тихо и спокойно: он спивался, дочь пыталась привести его в чувство — ничего нового или интересного. А вот потом...

Когда Андреа умер, у девочки образовались аж три шикарные возможности.

Панель, церковь и свадьба. Правда, ни одна из них юную Эванджелину не устроила. Наверное, потому, что подвернулась четвертая. Через Умбраю проезжала невеста какой волной занесенная сюда королева Маргарита Сибеллин.

Конечно, все сбежались посмотреть на королевский кортеж! Еще бы!

И тут случилось непредвиденное.

Кони взбесились, понесли, могли бы затоптать принца, который выпал у кормилицы... Эванджелина кинулась вперед и спасла юного тогда Лоренцо Сибеллина, рискуя собой. За что и была взята ко двору.

У Мии слов не осталось.

ПРАБАБКА?

А не прапрапра? Мать ничего не напутала, а?!

Помня эданну Фьору... она могла, и еще как! Это ж бабке за сто лет было, когда она ее навещала, не иначе!

За СТО лет?!

Та-ак... расспрашиваем дальше.

И Мия превратилась в слух.

Эванджелина домой не вернулась. Сама. А вот примерно через десять лет в ее дом... Своего-то поместья у Бонфанти не было, считай: Андреа все заложил и пропил, а девочка и выкупать не стала, кому ж такое захочется... память-то какая гадкая...

Так вот. В городской дом Бонфанти вернулась кормилица и сын Эванджелины. Паоло.

Мальчик жил там, рос, как самый обычный постреленок... Эванджелина иногда приезжала, вся в шелках, в бархатах... Она была доверенным лицом королевы Маргариты Сибеллин.

И его величество Лоренцо, говорят, ей доверял.

Говорили, да...

Прошло еще десять лет.

Мальчик вырос, женился... первой у него родилась дочь. Анна Бонфанти.

Бабка приехала, посмотрела на нее — и забрала. Почти ультимативно. Уж что она нашла в малышке, кто ее знает... но это, наверное, и спасло девочку.

О том, что Бонфанти — сторонники Сибеллинов, знали все. И когда пришли Эрвлины...

Да, именно так.

Паоло Бонфанти с женой были показательно казнены, их имущество отторгнуто в казну... Дети? Нет, малышку забрала Эванджелина, а что с ней дальше было — кто ж знает? В Умбраю она больше не возвращалась.

Разве что дом их сгорел.

Кстати — вместе с новыми жильцами, которые активно участвовали в казни старых.

И мэр померши...

И священник...

А больше никто ничего и не знал. Вообще...

Мия искренне поблагодарила старика золотым лорином. А сама уселась в дальнем углу кладбища и принялась размышлять.

Итак... получается, что у нее выпадает одно поколение.

Про Анну Бонфанти она ничего не знает.

Мать — Фьора, бабушка — Паола, кстати говоря, а вот прабабушка...

Про Эванджелину Мия знала. А про Анну — нет.

Но картина пока складывалась непротиворечивая. Во всяком случае, Мия понимала, что именно произошло.

Почему она лично не едет верхом, а идет пешком?

А потому... кто-то забыл, как на метаморфов реагируют животные?

Плохо. Особенно если себя не сдерживать... Несет их. То есть кони могли понести... при условии, что Эванджелина — метаморф.

А если она была метаморфом, то, надо полагать, и ее родные... нет, не мать. Тогда не было бы истерики, и прыжка из окна не было бы...

Допустим, несчастная Лора Бонфанти увидела то же, что некогда увидела Фьора Феретти. Просто — допустим. Если девочки начинают менять внешность, уронив первую кровь... понятно?

Вполне.

Плюс младенец. То есть после родов.

Воля бы Мии, она бы на каждую беременную и недавно родившую женщину, табличку вешала.

«Опасность! Осторожно!!!»

Смешно вам?

Если бы мужчины знали, как сильно действуют на женщин беременность и роды, они бы молчали — и отползали. Сами и БЫСТРО!

Между прочим, никто не удивляется, когда добрейшая сука, оценившись, вдруг становится злее цепного пса, а злющая кошка, окотившись, приходит за лаской. А женщины — другие?

Говорить они, конечно, могут, но... далеко не всегда сами осознают, что с ними происходит. А тем не менее...

Беременность, роды... все это так бьет по мозгам (понятия «гормональный стресс» Мия просто не знала, а то бы заплодировала), что неудивителен поступок Лоры.

Просто допустим.

Она недавно родила, и вдруг ее дочь начинает меняться. Из этого что следует?

Две вещи. Первая — что в ее роду ничего такого не было, иначе она бы знала или хоть как-то предполагала... была лучше подготовлена. Как сама Мия.

У Серены, кстати, ничего такого не проявилось и не проявится. И Мие казалось, что у Джулии — тоже. И это логично вписывалось в общую версию...

Если допустить, что старшая дочь Бонфанти была метаморфом, и средняя тоже... Вот старшая не уцелела.

Средняя пошла посмотреть на королеву... и от нее взбесились животные. Запросто! И взбесились, и понесли, и что хочешь... и спасти малыша она могла.

Мия помнила себя.

Она тоже была сильнее, умнее и быстрее сверстников. Так что...

Могла.

Дальше все было логично. У нее родился сын... от кого?

Да это как раз и не важно! Что не от Сибеллина — это точно, король был еще малышом в то время. Что там лет десять — ерунда!

Итак, у нее родился сын, жил здесь... Надо полагать, мать его содержала. А вот дара у него не было? Ни как у Лоренцо, ни как у нее?

Могло быть и такое.

Почему Паоло Бонфанти не жил при дворе? Да почему угодно!

К примеру, там было опасно из-за Эванджелины и ее службы королеве, там над ним издевались, потому что он незаконнорожденный, его нельзя было представить ко двору из-за его отца... Мия подозревала, что этого никогда точно не узнает. Вплоть до того, что ему просто не нравилось в столице. Это только то, что первое пришло в голову. А вариантов может быть уйма.

Тем не менее Паоло вырос, женился...

И мать приезжает к нему. И забирает внучку.

Почему?

Ответ прост.

Если Эванджелина что-то о себе знала... если могла почувствовать метаморфа... А вдруг?

Могла? Вполне! Мия уверена, что Джулия не будет метаморфом, а если Эванджелина ЗНАЛА, что Анна будет метаморфом?

Могла она захотеть изолировать, увезти малышку от отца и матери? Которой еще невесть что в голову ударит?

Вполне могла. А уж как она это обставила... сама Мия могла бы сказать, что малышка болеет и ее надо лечить, что малышку можно отвезти ко двору, если там у короля или принца есть дети...

Опять-таки, придумать можно многое.

А там и грянуло.

Война, убийство Лоренцо Сибеллина...

И вот сюда отлично вписывается то, что Эванджелина осталась жива. Мия тоже захотела бы отомстить. Так что...

Город цел?

Какая прабабка добрая была! Это что-то! Мия бы за свою семью... Стоит только вспомнить Джакомо и Серену. Джакомо был принесен в жертву без размышлений и терзаний, стоило ему только подумать о причинении вреда Серене Феретти.

Ну да ладно. Итак, идем дальше.

Анна.

Про Анну Мия ничего не знала. Но... допустим...

Просто допустим, что Анна родилась, она была... а времена тогда были сложные. Сибеллины ушли, Эрвлинны пришли... Если бабка не старалась помочь последним Сибеллинам... Да Мия себе хвост бы отгрызла по самые уши, если это не так!

Или...

Или она ничего не могла сделать, потому что у нее на руках был маленький метаморф?

А ведь могло быть и такое. Если ОБЫЧНО начиналось все это с первой кровью... могло ли начаться раньше?

Да запросто!

И начаться раньше, и... А правда, что случилось с Анной Бонфанти?

У нее явно была дочь, Паола... Вне всякого сомнения, дочь, названная в честь своего отца. Несчастливого Паоло Бонфанти. У Паолы Фьора, у Фьоры Мия... Ну, примерно сходится по годам. Особенно если Анна родила дочку не в пятнадцать, а позже... Лет в двадцать — двадцать пять...

Могло быть и такое.

Фьора, когда упоминала о бабушке, говорила, что она — младшая дочка. И бабушка родила ее поздно, чуть ли не в тридцать лет, — ей не везло с детьми.

Или не сходится? И Мия пропустила еще одно поколение?

Но где его искать? И как его найти?

Мия даже не представляла, как ответить на этот вопрос.

Бонфанти... что ж, надо искать дедушку Марио. Пусть подскажет еще кое-что...

* * *

К большому, даже громадному сожалению Мии, дедушка Марио ее сильно разочаровал.

Бонфанти были хоть и местными, но...

После того случая с несчастной Лорой... поместье свое они продали. А если у них что и было — семейные книги, Библия и прочее... — все было уничтожено. Тогда, при пожаре.

Мия только головой покачала.

Вот почему-то ей казалось, что она еще многое пропускает. И, может быть, не только несчастную Анну?

Кстати...

— А как фамилия Лоры? Той, что вышла замуж за Бонфанти?

— Диматтео. Лауренсия Диматтео.

— А они?..

— Живут неподалеку.

Мия хищно потерла руки.

«Диматтео, говорите? Эванджелина, говорите? Ну, я спокойнее, мне известность не нужна. А вот знания нужны. И я их получу».

* * *

Поместье Диматтео так живо напомнило Мие родное Феретти, что девушка аж глаза рукой потерла.

Вот один в один!

И крыша кое-где просела, и стены подновить не помешало бы, и хозяйственные постройки... м-да.

Явно здесь живут братья по разуму ее отца, земля ему пухом. Дядя, при всем сволочизме, до такого никогда не скатился бы... у него и характер был, и стремление к комфорту и уюту...

А тут что?

Мия, недолго думая, перебрала струны лютни — и те рассыпались задорным говорком.

На звуки музыки из дверей выглянула кухарка и замахала на Мию полотенцем, которое небось еще Эванджелину помнило.

— А ну пошел, пошел отсюда!

— Красавица! — воззвала Мия, нещадно греша против истины (в кухарке не меньше семи пудов живого свиного мяса было). — И не совестно тебе меня гнать? Я ж ничего и не прошу, разве что в тенечке передохнуть да водички попить!

— Ага-а... — Кухарка явно не собиралась доверять незнакомцу. — Сначала попить, потом пожрать, а потом и переспать! Знаем мы вас таких... а ну пошел!

Мия отметила краем глаза, что на втором этаже открылось окно — и решила пойти ва-банк. Кухарка ее все равно прогонит, а вот хозяева, может, и оставят?

— Ты б, красотка, на себя оборотилась! Или хотя бы вокруг себя! Какое переспать! Ты ж во сне повернешься, а меня потом и не отскребут...

— Ах ты... — Кухарка взвизгнула — и рванула на Мию, грозно потрясая половником.

Девушка могла бы сейчас скрутить эту клушу. Оглушить. Убить. Да что угодно бы сделала. Но вместо этого весело ударила по струнам — и принялась скакать по двору под задорную музыку. Увернулась раз, два, потом ловко свернула к колодцу, возле которого скучала себе грязная лужа. Кухарка следовала за Мией, подбадриваемая веселыми коленцами...

Мия-то увернулась.

А вот кухарка с размаху влетела в лужу, поскользнулась на влажной глине — и только чвякнуло.

Со второго этажа раздался хохот и аплодисменты.

— Эй, мальчишка!

— Мио, менестрель, к вашим услугам, благородный дан, — поклонилась Мия.

— А заходи, пожалуй что! Потетишь душеньку песней. Говоришь, тенек и водички?

— Раз уж сказал — больше и не попрошу. Но если благородные господа предложат, то и отказываться не буду, — блеснула глазами Мия.

Ответом ей был тот же самый смех — и девушка вошла в дом.

Кухарка злобно выругалась и попробовала вылезти из лужи самостоятельно. Ага, как же!

Кто не пробовал, лучше и не надо так экспериментировать. Особенно когда вешишь ты ой-ой-ой сколько. Размокшая глина — штука скользкая, и держит отлично, и плывет под пальцами...

Примерно через десять минут из лужи выползла большая глинистая черепаха. Кухарка, к восторгу всех видевших это, перевернулась на четвереньки, окончательно угваздавшись, и так поползла на кухню.

Какими словами она при этом крыла бродягу-менестреля... Мухи дохли на подлете.

Мие очень повезло, что дан Диматтео пригласил ее за свой стол. Не то кухарка бы ей точно яда подсыпала.

* * *

Дан Диматтео оказался мужчиной в годах, лет пятидесяти. И ему было здесь откровенно скучно. Дочь он за муж выдал, сын сейчас служил в гвардии, а сам дан...

Понятно, кто-то и хозяйством заниматься должен, но в этой глуши...

Рехнешься ж со скуки!

А тут такое развлечение! И поговорить, и послушать, и музыка, и песни...

Так что время все провели с пользой. Все три следующих дня.

Хорошо было дану — его развлекали по первому требованию. Бродячий менестрель оказался и отличным рассказчиком, и прекрасным слушателем, так что Патрицио Диматтео получал двойное удовольствие. Такое редко бывает, обычно поговорить люди любят, а вот послушать уже нет. А тут...

Дан соловьем разливался. И Мия слушала.

А там...

Слово за слово, подходящая песня, подходящая история... и — вот оно! Поклевка!

— В нашем роду тоже интересная история была, лет сто тому назад, — рассказывал дан. — До сих пор понять не можем, что и как... Представляешь, баба родила, а потом старшую дочь с башни выкинула и сама за ней прыгнула.

— Бабы после родов с головой не дружат, — со знанием дела поведала Мия. — Хоть такие, хоть сякие, хоть благородные... уж простите, дан, сколько видел, все одно и то же. Куда нам, бедным мужикам, деться от их капризов?

Дан Диматтео кивнул.

— Так оно, так...

Саму историю Мия уже знала. А вот о продолжении...

— Так что ты думаешь? Бабская дурь — она по наследству передается...

— Разве?

— А то ж! Точно знаю... у той Лоры одна дочка уцелела... вот у нее внучка была. Анна...

— Анна? — изобразила интерес Мия.

Дан Диматтео только рукой махнул, мол, давние дела.

— Когда Сибеллины ушли... Ладно уж, сейчас и кости истлели, чего б не посплетничать?..

— Сейчас это уже история. И Филиппо Третий правит мудро, да хранит его Господь, — перекрестилась Мия со всем возможным уважением.

Дан Диматтео покивал головой.

Но рассказать семейную историю ему хотелось.

— Так вот... когда Паоло с женой убили, его мать забрала ребенка.

Мия подняла брови, но от вопроса «А разве это не раньше получилось?» воздержалась. Понятное дело, сто лет прошло. Вы себе представляете, сколько за это время воды утекло? Тут, что год-то назад случилось, иногда не раскопаешь, а сто лет?

Очевидцы умерли, а пересказ — он и есть пересказ... с чужих слов, художественный свист...

Могло быть и так, и этак...

С одной стороны, и Эванджелина могла почуять метаморфа.

С другой... разве нормальные родители свое дитя отдадут? Да кто ж его знает, как оно там было?

— Вроде как родителей убили, девчонку бабка спасла... в последний момент из рук убийцы вырвала — говорят, там кровь потоками лилась... Анна получилась помешанной. Что-то с ней крупно не в порядке было... Эва с ней возилась, как же, единственная кровиночка, другой уж не будет...

— А разве ее не?.. — удивилась Мия.

Дан Диматтео ухмыльнулся.

— Говорят же, темнее всего — под пламенем свечи. Все думали, Эванджелина уехала, а она осталась. Тут рядом есть монастырь. Вот она и попросила убежища... а когда девчонке то ли двенадцать стукнуло, то ли еще

сколько, она тоже с башни выпрыгнула. В этом самом монастыре.

— И монастырь после этого не закрыли?

— Пощипали прилично, но не закрыли. Так и стоит... монастырь Святой Франчески..

Мия поблагодарила дана Диматтео. И честно отказалась от любой оплаты ее труда. Она дана развлекала, он ей новую ниточку дал.

Монастырь Святой Франчески, говорите?

Наведемся, никуда он от нас не денется..

Спустя три дня Мия распрощалась с даном и направилась в монастырь.

Если Анна погибла, когда ей было двенадцать, — откуда взялась прабабка Мии?

Дана Эванджелина, вы свинья, а не метаморф! Вот! Совести у вас нет — никакой! Вы не могли рассказать Фьоре историю рода, чтобы Мия тут не моталась, как блоха на хвосте у бешеной собаки?

А с другой стороны..

Мия бы точно ничего не рассказала Фьоре Феретти. Так что...

Монастырь, говорите?

Ну.. помолимся, сестрие..

АДРИЕННА

Что удивительного, если молодая девушка хочет помолиться?

Даже не просто помолиться — провести ночь в храме?

Кардинал Санторо это очень одобрил (набожными управлять легче) и разрешил. И даже сказал:

— Может быть, дана СибЛевран, я составлю вам компанию в этом ночном бдении?

Адриенна, которая собиралась вовсе даже не бдеть и уж точно не в храме, качнула головой: